

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

В ОБЪЯТИЯХ ЛЖИ

Лириэль Нокт

18+

Хайроллер

Лириэль Нокт

В объятиях лжи

«Автор»

2026

Нокт Л.

В объятиях лжи / Л. Нокт — «Автор», 2026 — (Хайроллер)

Кори Веллингтон – восемнадцатилетняя сирота, запертая в мрачном новозеландском приюте «Заботливые крылья». После гибели родителей она научилась выживать в одиночестве, находя утешение лишь в пернатых и мечтах о свободе. Но в холодных коридорах на неё обращает внимание тот, кого все боятся: Артур Атама – опасно красивый, жестокий и безжалостно одержимый. Он называет её «птичкой». Следит. Угрожает. Прикасается без разрешения. Его любовь – это яд, огонь и собственность. Чем отчаяннее Кори пытается вырваться, тем глубже тонет в его объятиях лжи. Когда прошлое раскрывает свои самые тёмные тайны, а жизнь затягивает девушку в мир элитных криминальных клубов, «золотых» девушек и смертельно опасных сделок, Кори предстоит сделать невозможный выбор. Остаться сломанной жертвой или научиться летать даже в самой тесной и жестокой клетке. Внимание: книга содержит откровенные-сцены, абьюз, non-con/dub-con, насилие и тяжёлые психологические травмы. 18+

© Нокт Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Лириэль Нокт	5
Предупреждения	6
Плейлист	8
Пролог	10
Глава 1. Кори	11
Глава 2. Кори	15
Глава 3. Кори	18
Глава 4. Кори	23
Глава 5. Кори	26
Глава 6. Кори	31
Глава 7. Кори	37
Глава 8. Кори	40
Глава 9. Кори	44
Глава 10. Кори	50
Глава 11. Кори	52
Глава 12. Кори	56
Глава 13. Артур	61
Глава 14. Кори	65
Глава 15. Артур	69
Глава 16. Кори	72
Глава 17. Кори	76
Глава 18. Артур	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Лириэль Нокт В объятиях лжи

Лириэль Нокт

© Лириэль Нокт, текст

© Kitty Arts, внутренние иллюстрации

Посвящается тем, кому нравятся одержимые герои, больная любовь и героиня, которая учится летать сквозь шторм.

Предупреждения

Данная книга предназначена **исключительно для лиц старше 18 лет.**

В романе «В объятиях лжи» содержатся:

1. Подробные и откровенные сексуальные сцены.
2. Токсичные, одержимые и абьюзивные отношения.
3. Физическое и психологическое насилие.
4. Принуждение, угрозы, манипуляции.
5. Элементы **dub-con** (сомнительное согласие) и **non-con** (секс без согласия).
6. Ненормативная лексика.
7. Темы смерти, тяжёлой психологической травмы, потери родителей и пребывания в приюте.

Что это значит:

1. Dub-con (сомнительное согласие)– ситуации, когда согласие на секс даётся под давлением, в состоянии страха, шантажа, наркотического воздействия или сильного эмоционального напряжения. Согласие есть, но оно «серое» и спорное.

2. Non-con (секс без согласия)– прямое отсутствие согласия, принуждение к сексуальному акту против воли персонажа.

Автор не романтизирует описанное поведение. Это вымышленная история в жанре дарк-романс.

Если любые из перечисленных тем могут нанести вам вред, вызвать сильный эмоциональный дискомфорт или триггернуть – пожалуйста, не читайте эту книгу!

Автор не несёт никакой ответственности за ваши эмоции, психоэмоциональное состояние и реакцию после прочтения.

Читаете на свой страх и риск (с любовью ваша Лириэль Нокт).

Плейлист

Sia – «Bird Set Free»
Billie Eilish – «Birds of a Feather»
The Weeknd – «Call Out My Name»
The Weeknd – «Die for You»
Two Feet – «I Feel Like I'm Drowning»
The Weeknd, Jennie & Lily-Rose Depp – «One Of The Girls»
RAYE ft. 070 Shake – «Escapism»
Chris Grey – «Let the World Burn»
Halsey – «Graveyard»
The Neighbourhood – «Daddy Issues»
Chase Atlantic – «Swim»
Chase Atlantic – «Into It»
Halsey – «Control»
Billie Eilish – «you should see me in a crown»
Lana Del Rey – «Born to Die»
Ari Abdul – «Babydoll»
Isabel LaRosa – «I'm Yours»
Chase Atlantic – «Heaven»
Teddy Swims – «Lose Control»
Tate McRae – «Greedy»

Пролог

– Кори, смотри! Буревестник! Кори летит! – визжит мама истерически.

Я улыбаюсь во все зубы, не отрывая глаз от птицы как и она. Она парит над волнами так легко, будто сама волна подхватила её и несёт. Мне двенадцать, и мы в Португалии. Каждые каникулы мы посещаем новую страну, это своего рода традиция. Наша традиция.

Я перевожу взгляд на маму, сегодня её волосы ярко-розовые, смелые, как всегда. За последние годы они были всех цветов радуги. Она предлагала покрасить и мне, но я отказывалась. Мне нравились мои собственные – тёмные, как и у папы.

Мама смотрит на меня и улыбается самой теплой и чуть лукавой улыбкой, от которой мне становится так спокойно и так тепло на душе.

– Ты будешь такой же летящей и такой же свободной, Кори, – тихо говорит она. – Помни это, наша птичка.

Я тянусь к ней и целую в щёку, потом быстро папу в колючую щёку.

– Я люблю вас, – шепчу я им обоим.

Ведь это наша последняя поездка вместе...

Глава 1. Кори

*Птица летит, несмотря ни на что.
Ибо зачем ходить, когда у тебя
есть крылья?*

Я бы не признала новых родителей никогда в жизни, и ни за что я бы не согласилась на удочерение сама.

Нет. Я не хочу.

Мои родители останутся моими родителями навсегда. Никто мне не нужен кроме них. Но я уже никогда их не верну, сколько бы ни хотела, сколько бы ни плакала в подушку каждую ночь.

Они не воскреснут...

Шесть лет назад машина сбила их, когда мы переходили дорогу за руку. Мама успела меня оттолкнуть, а сама... Мама умерла в больнице через два дня, а папа на месте происшествия. Я запомнила каждую секунду этого кошмара, каждое мгновение того дня.

Эта боль не затягивается, да и наверно, никогда и не затянется.

Родственников у меня нет. Сейчас я живу в приюте «Заботливые крылья» в Новой Зеландии. Я здесь родилась и до сих пор здесь живу. Не знаю, хотела бы я уехать куда-нибудь. Мы

с родителями побывали в десятках стран, но дом, он всё равно один, хотя в приюте я так и не почувствовала себя дома. Сколько лет ни пыталась, никак не получается.

Дело в том, что меня считают странной. Я сама так не думаю... Хотя, может, и есть немного. Я просто разговариваю с животными. Особенно с птицами, я обожаю их изучать. Знаю породы, повадки, голоса, как они летают, как прячут гнёзда, как кричат перед дождем. Когда я вижу птицу, я не могу молчать, я сразу начинаю с ней разговаривать, как с самым настоящим другом. А надо мной всю жизнь смеются, тычут пальцем и шепчутся за спиной с первого дня, как я сюда пришла. Но мне всё равно. Птицы понимают меня лучше, чем люди.

И вот сейчас я сижу на коленях в траве и рассматриваю туи. Не понимаю, как она здесь оказалась, ведь эти птицы обычно живут в густых лесах и прибрежных рощах Новой Зеландии.

Такая красивая...

Чёрное оперение переливается зелёным и синим на солнце, а на горле у нее яркий, белый хохолок. Она очень похожа на экзотического попугая, только дикая и свободная.

Жаль, что я могу запомнить её только глазами, ведь телефона у меня нет.

– Опять эта шизанутая! – орёт Хантер Фиш, проходя мимо со своим другом. Птица испуганно взмахивает крыльями и улетает. – Ты конченная? Что ты сидишь в траве, как маленький ребёнок?

Я поднимаю на него глаза и смотрю без единой эмоции.

Злыдень.

Вот как его можно назвать. Такой высокомерный парень, он обожает обзывать меня и подкалывать вместе со своей компанией.

– Чё молчишь-то, Корилингус?

Урод коверкает моё имя, будто оно ему принадлежит.

Я вздыхаю с огорчением и медленно поднимаюсь на ноги, отряхивая травинки и землю с колен.

Я человек абсолютно неконфликтный. Избегаю ссор и всего, что с ними связано. Не люблю находиться среди грубых и невоспитанных людей, но, к сожалению, они окружают меня с двенадцати лет.

– Куда пошла? – он перегораживает мне путь, а его дружок Кен посмеивается.

– Оставь меня, – спокойно говорю я, не желая произойти конфликту, но он уже есть со стороны Хантера.

Он улыбается, кривя свои губы.

– Я просто не понимаю, ты полоумная в своих родаков?

– А ты такой бестолковый в своих? – Тихо отвечаю я.

Он поднимает брови, удивлено глядя на меня.

– Огоооо, ты открыла рот? Может, в Красную книгу записать такое событие?

Он меня уже вымотал. Вроде симпатичный, а такой грубиян. Ему нормально живется наедине с собой?

– Отвали, Хантер! – резко кричит их главный, выходя из-за угла.

Появляется возможность ускользнуть, иначе главный тоже начнет меня доставать, как обычно. Я быстро отхожу в сторону и бросаю на него свой короткий взгляд. Он смотрит на меня пристально, не отрываясь, как будто прицеливается, и я чувствую себя так, будто на моем лбу уже мигает лазер.

Я обычно с ними вообще не разговариваю, просто ухожу. Мне просто не о чем с ними говорить. Для них я движущаяся, чокнутая шизофреничка и они обливают меня матами, даже когда я просто сижу в библиотеке приюта.

Их главный – восемнадцатилетний Артур Атама. Волосы у него почти белые, будто солнцем выжжены, а глаза – чёрные-чёрные, как уголь.

Ну и сочетание, правда?

Выглядит жутковато, но при этом до невозможности красиво. Чем-то он напоминает мне белую цаплю, такую редкую птицу: изящную, гордую, от которой и глаз не оторвать, и немного не по себе. Хотя нет...Цапли не такие жестокие как он, скорее ему больше подойдет волк, да...Именно, он белый волк.

Я быстро убегаю. Сердцебиение учащается, сама не понимаю от чего и почему именно. Ноги сами несут меня по длинному коридору приюта. Тяжелое эхо шагов гулко бьётся о стены, как будто весь дом смеётся надо мной. Наверное, так и есть.

Честно говоря, здесь просто отвратительно неуютно, я бы сказала противно. Каждый раз, когда я попадаю в эти коридоры, внутри меня сжимается все возможные ощущения неприязни и не отпускает пока я не выйду на улицу.

Мы живём в старом мрачном особняке «Заботливые крылья» – огромном каменном доме на окраине Окленда. Нас здесь всего четырнадцать. Четырнадцать душ, запертых в этих холодных стенах. Коридоры тут тёмные, будто специально созданы, чтобы глотать свет и надежду которой и так уже почти не осталось. Высокие, узкие окна пропускают только серые полосы, пыльные витражи окрашивают всё в больничные оттенки. От этого мы все выглядим бледными призраками, с тенями под глазами, которые, кажется, уже сдались... и я среди них.

Я тоже сдаюсь? Иногда мне кажется, что да.

Я попала сюда... Но до сих пор не понимаю как. С божьей помощью? Вряд ли. Бог в тот день отвернулся от меня, кажется. После той аварии меня просто привезли сюда, не спросили,

и ничего не объяснили как это обычно бывает, когда тебе плевать на чужого ребенка и его нужно уже куда-то сунуть. Ладно, не будем говорить за всех, но ведь чаще всего оно...Так?

Но здесь, говорят, всё-таки лучше, чем в других приютах. Бывает намного страшнее, и относятся хуже, а здесь воспитатели не кричат и у каждого своя комната. Маленькая, холодная, но своя.

Отдельная комната – это единственное, что у меня осталось от мамы и папы. Небольшой трастовый фонд, который они предусмотрительно оставили. Деньги, которые теперь платят приюту за моё содержание.

Каждый месяц, когда я думаю об этом, внутри меня одновременно теплеет и одновременно наполняет тоскливая боль, которая все еще кровоточит. Это их последний подарок. Их голос, который всё ещё говорит: «Мы о тебе позаботимся». Но это же и напоминание, что их больше нет. Они не придут никогда.

И от этой мысли хочется лечь на пол прямо здесь, в коридоре, и зарыдать так, как я плакала в первые месяцы. Только теперь слёз уже почти не осталось. Осталась только усталость и тихая, ноющая пустота по ним. Я замедляю шаг у поворота, прижимаюсь спиной к холодной стене и закрываю глаза. Глубокий вдох и выдох.

Ты станешь свободной Корри. Ты обязательно полетишь...

Глава 2. Кори

*Взгляды говорят о людях больше,
чем слова, в глазах смотрящего –
целая вселенная, полная огня, боли
и света. А тот, кто всегда делает
вид, что не смотрит, прячет в них
самые глубокие тайны, которые
боится даже себе признать.*

Я иду, опустив взгляд на свои отвратительные, нет...УРОДЛИВЫЕ коричневые туфли, которые, возможно, носили до меня девушек пять, потому что на них стерлись носы. Ощущение, что человек пинал камни когда шел, или шаркал ногами по земле.

Вообще-то я считаю себя здесь самой опрятной среди девочек, если честно. Терпеть не могу грязных людей: жирные волосы, мятая одежда, пыльные ботинки. Мои туфли уродливые, да, но всегда начищены до блеска. Если я валяюсь в траве, то потом обязательно отряхиваюсь и стираю вещи. Чистота – это единственное, что я могу контролировать в этом месте.

Вдруг я врезаюсь в кого-то своим лбом, прямо в его грудь.

– Ой... – тихо выдыхаю я и поднимаю голову.

Передо мной стоит незнакомый мне парень.

Я даже не знаю, кто он. Впервые вижу его...

Сумка через плечо, одежда на нем обычная, не наша серая униформа.

Он выглядит... иначе.

Я медленно оглядываю его с головы до ног, не в силах остановиться.

– Сынок, сюда! – кричит Гризельда откуда-то из коридора.

Сынок?

Я невольно морщусь, от такого заявления.

У Гризельды сын? ИУУУУ...

Она выглядит точь-в-точь как Гризельда из «Винкс», она такая же строгая, с острым взглядом и вечной складкой между бровей. Иногда она мне говорила: «Милочка, надеюсь, что сегодня вы не получите ни единой пятёрки. Это заставит вас лучше готовиться к занятиям!». Копия, правда?

Сложно поверить, что у неё вообще может быть ребёнок. А уж такой красивый...

Парень высоченный, каштановые волосы, похожие на мои, которые были слегка растрёпаны ветром. Но больше всего бросались в глаза его глаза – жёлтые и такие тёплые, словно расплавленное золото. Лицо у него по-настоящему мужественное – такое, какое обычно рисуют у принцев в мультфильмах, с чёткими чертами, благородными я бы сказала.

Он же идеальный...

Он начинает широко улыбаться. Только сейчас я понимаю, что плююсь на него, как полная дурында.

– Извини, – говорю я и тоже улыбаюсь, чувствуя, как щёки потеплели от смущения.

– Да ничего, – непринужденно отвечает он. – Как тебя зовут?

Первый человек за столько лет спросил, как меня зовут! Не «чокнутая», не «Корилин-гус», не «эй, ты, шиза». Просто... Как меня зовут?

– Кори. А тебя? – я протягиваю ему руку.

– Я Стэн, – он берёт мою ладонь и слегка дёргает, здороваясь взаправду.

Я смотрю на наши сцепленные руки. Его ладонь такая тёплая и гладкая, моя в ней совсем утопает.

Я никогда вот так не держала парня за руку. Вы же видели, какие здесь злыдни живут.

– Стэн, идем же! – зовёт Гризельда.

Я поворачиваю голову. Она стоит чуть поодаль и смотрит на нас с хитрой, можно сказать довольной улыбкой.

Странно... Обычно она ужасно строгая. Не то чтобы орала на меня, нет. Но когда я опаздывала на урок, взгляд у неё был такой, что хотелось провалиться сквозь пол. Ах да... Я же вам сказала выше, что она мне говорила.

Стэн разжимает ладонь, а я всё ещё держу. Он тихо смеётся, уголки губ чуть приподнимаются, а в глазах ни намёка на издёвку, только добродушное веселье.

– Успеешь ещё подержать, – шепчет он так, чтобы только я услышала.

– Ой... Извини, я...

Я резко отдёргиваю руку и бегу вперёд не оглядываясь.

Блина-малина. Теперь он тоже будет думать, что я не от мира сего.

Пробегаю мимо Артура, который стоял в стороне и наблюдал за всем. Лицо у него злое, с привычной ноткой отвращения ко мне, как всегда.

Кто бы сомневался?

Глава 3. Кори

*Красота рождается не в зеркалах, а
в тех, кто умеет видеть свет даже
в самых потрёпанных душах.*

Я стою перед маленьким зеркалом в своей комнате и разглаживаю серое платье которое мне осточертело. Оно висит на мне мешком, потому что я слишком худая. (Знаете есть кадр, где Мэрилин Монро в мешке из под картошки, ну я просто напомнила вам, что на мне оно так НЕ СИДИТ, но я бы хотела быть такой как она). Волосы я закалываю простой заколкой. Туфли, как всегда, начищены до блеска.

Мне не нравится, как я выгляжу... Но разве у меня есть выбор?

Я выхожу в коридор и сразу чувствую привычный приступ тошноты. Эти стены меня душат меня. Каждый день я мечтаю о том дне, когда мне исполнится двадцать и по закону я наконец смогу уйти из этого места.

Мне уже восемнадцать, и до двадцати ещё два долгих года. Два года в этом каменном склепе.

Я останавливаюсь возле старой картины в тяжёлой раме. На ней изображён серый, безжизненный пейзаж: одинокая скала посреди штормового моря, а над ней пустое, свинцовое небо. Ни одной птицы. Ни намёка на жизнь. Эта картина всегда вызывала у меня глухое раздражение.

Я бы повесила здесь совсем другое... Например буревестника, который режет крыльями шторм, или свободную птицу, парящую над ярко-зелёным лугом после дождя. Что угодно, только не эту мёртвую, давящую тишину.

– Опять мечтаешь, птичка? – раздаётся за спиной низкий голос Артура.

Я молчу. После того как он столько раз надо мной подтрунивал, мне с ним особо не о чем говорить.

Зачем давать ему лишний повод?

Он вздыхает, останавливается рядом и смотрит мне пристально в лицо. Я готовлюсь к насмешкам, поворачиваю голову и смотрю на него в ответ.

Он такой... Необычный.

Волосы вьются и падают на лоб мягкими светлыми прядями, кожа белая, будто лунный свет.

А глаза... Эти глаза, которые смотрят будто в твою душу и очаровывают...

За последний год он сильно изменился: стал шире в плечах, движения увереннее.

Настоящий альфа.

Он ходит с парнями в какой-то клуб в городе, занимается там неизвестно чем. Сейчас на нём простые серые трико и белая футболка, и даже в этой обычной одежде он выглядит так, будто весь приют принадлежит ему.

– Птичка, я слышал, как ты целых два раза говорила, – произносит он с лёгкой усмешкой.
– Не притворяйся, что немая.

Я отхожу от него и иду дальше по коридору. Стараюсь не ускорять шаг, но сердце бьётся быстрее, я ведь боюсь его, мало ли что сделает он. Он не отстаёт, идёт рядом, плечо к плечу, слишком близко ко мне. Я настораживаюсь от этого жеста, но не смотрю на него.

– Что, уже нашла себе нового защитника? – вкрадчиво говорит он. – Этот желтоглазый Стэн... С ним ты улыбалась, а со мной всегда молчишь. Боишься, что я тебя съем, птичка?

В его ласковом тоне проскальзывает что-то острое, словно за затаённой улыбкой прячется нож. Я чувствую, как по спине пробегает ледяной озноб.

Я ускорю шаг, почти перехожу на бег. Внезапно Артур хватается за рукав платья и с силой швыряет к холодной каменной стене. Моя спина ударяется о шершавый камень, и я распахиваю глаза от шока, глядя прямо на него.

– Не игнорируй меня, птичка, – шипит он, приближаясь вплотную. Его дыхание опалает мою щёку. – Или ты слишком гордая, чтобы говорить со мной? Так получается?

Я хочу закричать, но крик застревает где-то в горле. Он очень пугает меня. Этот его внезапный всплеск агрессии...

Что ему от меня нужно?

– Артур, идём! – раздаётся сзади звонкий, требовательный женский голос.

Это Мелани, его девушка. Ей всего восемнадцать. Она невероятно красива. Русые волосы мягко спадают на плечи, карие глаза и милое кукольное лицо. Стройная, как тростинка. Кажется, она тоже ходит с ними в тот клуб в городе.

Но при всём этом она ужасно капризная и наглая.

Мелани бросает на меня взгляд, полный чистого отвращения, будто я – грязь под её нарощенными, здоровенными ногтями с фигурками пончиков. Артур резко отворачивается от меня, подходит к ней и так же резко хватается её за талию, собственнически прижимая к себе. Мелани довольно улыбается, обхватывая его шею руками, и бросает через плечо ещё один презрительный взгляд в мою сторону.

Я стою как вкопанная, прижавшись спиной к стене. Стараюсь успокоить ритм сердца.

Ничего не понимаю. Что это сейчас было? Что за сюр?

Только что он прижал меня к стене, а в следующую секунду уже обнимает её, будто ничего не произошло.

Теперь мне нужно быть осторожнее. Гораздо осторожнее.

Я вхожу в столовую, глядя строго перед собой и стараясь не ловить ни одного взгляда. Здесь всегда слишком шумно, слишком ярко и слишком... Людно для меня.

Наверное я интроверт, затворница, отшельница, одиночка, и самозамкнутый социофоб.

– Эй, Кори!

Голос раздаётся сбоку. Оцепенев, я замираю посреди зала и медленно поворачиваю голову. Стэн с открытой улыбкой смотрит на меня, как будто мы знакомы сто лет. Он сидит за столом с двумя девочками из моего класса и мило беседуют с ними.

– Давай, – кивает он на свободное место рядом.

Я тыкаю себя пальцем в грудь не веря:

– Я???

Он кивает ещё раз, не переставая улыбаться.

Нет. Не может быть. Он точно ошибся. Я всегда сижу в дальнем углу, где меня никто не трогает. Там я придумываю целые диалоги в голове, и живу в своих историях. А сюда... Сюда я точно не пойду.

Я криво улыбаюсь и быстро ухожу к своему обычному месту. За спиной раздаётся громкий, визгливый смех Мелани на весь зал. Если бы здесь была Гризельда, она бы сразу наорала на нее, но мы едим без воспитателей. Этот смех режет уши, как корявый мел скребёт по доске.

Я достаю из кармашка платья заранее скрученные беруши из ваты и быстро заталкиваю их в уши.

Блаженная, ватная тишина.

Смотрю в тарелку, молча ем и ухожу в свои мысли.

Воображение – моё самое ценное качество, оно никогда не предаёт.

Я начинаю тихо смеяться, склоняясь над тарелкой и закрывая рот ладонью. Представила, как туи, которую я сегодня видела в траве, вдруг влетает сюда через открытое окно, садится прямо на голову Мелани и начинает деловито выщипывать её русые волосы, будто строит себе гнездо. Мелани визжит и машет руками, как неуклюжий пингвин, а туи важно каркает, передразнивая её голос.

Так смешно...

– Буль-буль.

Приглушённый звук заставил меня резко обернуться.

Стэн стоит вплотную, руки в карманах, и смотрит на меня с открытой улыбкой. Он явно уже давно здесь стоит и наблюдает, как я тихо ржу над своей тарелкой. Я выдергиваю ватки из ушей. В уши сразу врывается весь шум столовой – голоса, стук ложек, смех.

– Ты чего ушла-то? – спрашивает он, бесцеремонно плюхаясь рядом. Мне приходится отодвинуться к самому краю скамьи.

– Ой... Я... Я люблю одиночество как-то, – бормочу я, глядя в тарелку.

– Мм... – тянет он, внимательно всматриваясь в моё лицо. – У тебя глаза красивые такие... Бирюзовые, как тёплое море.

Я резко поворачиваю к нему голову и смотрю на него, как заворожённая.

Он серьёзно? Мне? Это правда он мне сейчас сказал?

– Оо... Спасибо, – отвечаю я улыбаясь. – А ты похож на... – я запинаясь, но потом всё-таки договариваю: – ...На кеа. Новозеландского горного попугая. Такой же любопытный и смелый.

Стэн сначала смотрит на меня с удивлением, а затем раздражается громким смехом на всю столовую.

– Я что-то не то сказала? – краснею я.

– Нет-нет, всё то, – он всё ещё посмеивается. – Ты любишь птиц? Я видел тебя сегодня в саду. Ты сидела в траве и так смотрела на туи, будто разговаривала с ней.

Я тут же заливаюсь краской до самых ушей.

– Ага... – тихо отвечаю я и поворачиваюсь к нему всем телом. Глаза у меня загораются сами собой. – Ты знаешь, птицы вообще очень умные. Туи, например, умеют имитировать человеческие голоса и даже целые мелодии, а буревестники летают над океаном тысячи километров без единой остановки, у них внутри будто встроенный компас. И ещё... Они видят цвета, которых мы вообще не замечаем. Для них мир гораздо ярче, чем для нас. А некоторые виды, как вороны и сойки, могут запоминать лица людей на всю жизнь. Представляешь? Они действительно различают, кто к ним добрый, а кто нет...

Я говорю и не могу остановиться. Глаза блестят, голос становится живым радостным, впервые за долгое время я говорю с кем-то так, будто это важно.

Я внезапно останавливаюсь, осознавая, что слишком разошлась, как торговка на базаре, которая норовит подsunуть вместо килограмма картошки пять. Лицо заливает краской стыда.

– Ой, прости... Я... – я убираю выбившуюся прядь за ухо. – Я просто что-то...

Не успеваю я договорить.

– Хочешь пройтись? – спрашивает Стэн. – Сейчас, подышать воздухом.

В горле мгновенно пересыхает, сердце бьётся с такой силой, словно пытается пробить рёбра и вырваться на свободу.

Я никогда не ходила ни с кем «подышать воздухом». Особенно с парнем, который только что сказал, что у меня красивые глаза.

– Ой... Ну я... Ну давай, – быстро выпаливаю я и залпом допиваю остывший чай, чтобы хоть чем-то занять руки.

Мы одновременно поднимаемся. Весь зал поворачивается к нам. Я ощущаю на себе десятки любопытных глаз. Я пропускаю Стэна вперёд и иду чуть позади, словно тень, чтобы никто не заметил, что мы вместе.

Просто случайно оказались рядом.

Но Стэн не даёт мне спрятаться. Он непринуждённо кладёт тёплую, уверенную руку мне на плечо, и притягивает к себе обнимая. Я сжимаюсь вся, как изюминка. От неуверенности и от его тепла. От его прекрасной, сильной руки.

Вдруг на нас обрушивается целый водопад горохового супа. Тарелки с грохотом разбиваются о каменный пол. Горячая жидкость заливает мне платье, жирный бульон стекает по ногам.

Фу. Теперь я пахну горохом. Густым, дешёвым гороховым супом, которым нас кормят по четвергам.

Я кривлю лицо, смотрю на свою испорченную одежду, потом на Стэна. Его белая футболка тоже вся покрылась желтыми, жирными пятнами. А потом на мальчишку лет девяти, который стоит с пустым подносом и смотрит на нас круглыми от ужаса глазами.

– Простите... – виновато шепчет он.

– Да ничего, пацан, иди, – мирно говорит Стэн, отряхивая руки.

Просто «ничего»?

Я удивленно моргаю, переводя взгляд со Стэна на мальчишку.

Артур или Хантер на его месте уже орал бы на мальчишку так, что тот бы в слезах убежал и навсегда закрылся в своей комнате. А Стэн просто улыбается.

– Я переоденусь и зайду за тобой, – говорит он мне, будто ничего не произошло. – Жди, ладно?

И уходит, легко пробираясь между столами под всё ещё притихший гул столовой.

Глава 4. Кори

*В одном взгляде – вся жизнь, в
одном сердцебиении – вечность. С
той секунды она принадлежала ему
полностью: душой, дыханием и
тайной, которую он даже не успел
понять.*

Я стою под душем, но горячая вода не успокаивает мои мысли, которые кипят внутри головы.

У тебя глаза красивые такие... Бирюзовые. Как тёплое море...

Он сказал это так просто и искренне, а потом добавил:

Я переоденусь и зайду за тобой.

Может, я влюбилась? А любовь с первого взгляда действительно существует? А что, если он станет моим парнем? А что, если я ему правда понравилась? А что, если... Ладно, надо успокоиться.

По спине пробегает озноб, словно ледяной ветер коснулся кожи. Волосы на затылке встают дыбом от какого-то внутреннего беспокойства, будто кто-то стоит за плечом и сверлит меня взглядом. Резко оборачиваюсь, но вокруг никого нет. Лишь влажный пар и ряд пустых кабинок.

У нас отдельные душевые, мужские и женские. Но я моюсь здесь только тогда, когда точно никого нет. Сегодня суп, который вылился на меня в столовой, не оставил выбора, поэтому приходится мыться сейчас. Обычно я жду позднего вечера, когда уже все спят. Выключаю воду. Беру полотенце с вешалки и оборачиваюсь им вокруг себя. На цыпочках иду в раздевалку, оставляя мокрые следы на кафеле.

Я замираю с открытым ртом, крепко сжимая полотенце на груди.

Артур небрежно прислонился к моему шкафчику и курит здесь, в женской раздевалке, где курение категорически запрещено. Сигарета медленно тлеет между его пальцами, а дым тонкой струйкой тянется к потолку, игнорируя все правила.

Я отхожу назад. Ноги подкашиваются от потрясения и ужаса происходящего.

Он из ума выжил?

Артур медленно поворачивает голову и смотрит прямо на меня молча. Потом отталкивается от шкафчика и начинает идти ко мне уверенным шагом.

– Не подходи, – говорю я дрожащим голосом.

На его лице растягивается улыбка, и от этой улыбки мне хочется закричать во все горло.

Я резко разворачиваюсь и со всех ног мчусь обратно в душевую, тихо поскуливая от ужаса. За спиной раздаётся его низкий, грудной смех. Он даже не думает бежать. Просто идёт медленно и уверенно – как преследователь, который точно знает, что жертва никуда не денется.

Сердце колотится так, будто хочет вырваться из груди. Я влетаю в ближайшую кабинку и забиваюсь в самый угол, прижимаясь голой спиной к ледяной плитке. Мокрое полотенце противно липнет к телу, и холодит кожу.

– Ты не бойся, птичка, – говорит он ласково, заходя в душевую. – Я же ничего не делаю.

Он приближается и внезапно включает ледяной душ. Холодная вода мощным потоком льётся на меня, вызывая сильное ощущение холода. Меня мгновенно охватывает сильная дрожь, зубы громко стучат.

Что ему надо? Что с ним не так?

А́ртур входит под ледяные струи. Он нависает надо мной, и вода льётся по его светлым волосам, стекает по лицу, мгновенно пропитывая его белую футболку, которая прилипает к телу, обрисовывая мощные мышцы. Он огромный. От него резко веет сигаретами и чем-то мрачным, я бы даже сказала тревожным, его тёмной аурой.

– Не ходи с ним, – шепчет он. – Иначе я сделаю так, что тебе будет очень плохо, птичка.

Я поднимаю на него огромные, и испуганные глаза. Он медленно поднимает руку, проводит пальцами по моей ключице. Меня мгновенно обдаёт мурашками от его касаний. Я бросаю взгляд на его руку, открыв рот от шока. Это явно его забавляет.

– Не давай ему касаться себя, – шепчет он мне прямо в губы. – Иначе я тебя растерзаю. Как волк, поняла?

– Ч-что? Ты что, сумасшедший? – вырывается у меня впервые за все годы.

Он делает ещё один шаг, и теперь я прижата спиной к стене, а он стоит прямо передо мной. Вода струится между нами. Его мокрые волосы падают на лоб, а глаза горят.

Он наклоняется настолько близко, что его дыхание ласкает мою кожу. Губы почти касаются мочки уха. Голос становится глухим, вкрадчивым и пронизывающим, до костей.

– Я сказал тебе, как делать. Ты выполнишь, иначе я испорчу твою жизнь так, что ты будешь каждую ночь просыпаться в холодном поту и звать маму с папой, которых уже нико-

гда не вернёшь. Я знаю, где лежит твоя папка с документами. Знаю, сколько денег в твоём трастовом фонде. Одно слово в нужные уши, и тебя переведут в тот приют на южном берегу, где двери на ночь запирают на засов, а воспитатели любят «учить» девочек, которые слишком много мечтают о свободе. Ты никогда не выйдешь в двадцать. Будешь сидеть здесь, как в клетке, и слушать, как птицы за окном кричат о небе, которого ты уже не увидишь. А если Стэн хоть пальцем к тебе прикоснётся... Я сначала сломаю ему руки, а потом и жизнь. А тебя я сломаю последней. Так, что даже твои драгоценные птицы тебя не узнают. Ты будешь моей, птичка. Только моей. Поняла?

– Я... Я-я... Ты... Чего?! – вырвалось у меня срывающимся шёпотом.

Я отчаянно толкаю его локтями, лишь бы не касаться ладонями, будто это могло хоть что-то изменить.

– Ш-ш-ш... Ты поняла, птичка?

Его пальцы медленно и уверенно прошлись по моей груди сквозь влажное полотенце. Я застыла, не в силах произнести ни звука – воздух застрял в горле, и лишь короткий, прерывистый всхлип вырвался наружу. Сердце бешено колотилось, словно готово было пробить мне грудную клетку.

– П-поняла... – выдохнула я, едва слышно, почти без голоса.

– Славно, – прошептал он с довольной улыбкой.

Он наклонился и мягко коснулся губами моей щеки. Это было почти невесомо, словно он оставил на ней невидимый знак. Нет, не знак, а скорее метку, клеймо, которое я буду чувствовать еще долго.

В щёку??? Меня? В щёку??? Что это?! Он под чем-то? Что с ним вообще происходит?! Я ничего, совсем ничего не понимаю...

Артур чуть отстранился и неторопливо оглядел меня сверху вниз, как будто запоминал каждую дрожащую каплю на моей коже, каждую мурашку, каждую слезинку, которую я не могла удержать. Ледяная вода хлестала по нам обоим без остановки. Меня трясло так сильно, что зубы выбивали настоящую дробь, ноги подкашивались, а в горле стоял тяжёлый комок тошноты. Взгляд у меня был совершенно потерянный – огромный, мокрый, полный животного ужаса и непонимания.

– Мне нравится твой голос, – тихо, сказал он. – Особенно когда ты так дрожишь.

И ушёл не оборачиваясь.

Глава 5. Кори

Жизнь – это череда чёрно-белых полос, а дорога твоя усыпана камнями. Но знай: каждый острый камень под ногами – это не наказание, а обещание.

Шесть лет назад

Я собирала себя по кусочкам. Какая-то женщина по имени Стеффани везла меня в приют. Слез не было совсем. Только тяжёлая пустота внутри, как мокрый песок. Я нервно теребила подвеску на шее: маленькую серебряную птичку, которую мама с папой подарили мне на двенадцатилетние в Португалии. Она до сих пор хранила тепло их пальцев.

– Уверена, тебе там понравится, – мягко сказала Стеффани.

Я ничего не ответила. Просто продолжала молчать.

– Ты всегда такая молчаливая...

Мне не хотелось больше ни с кем говорить. Никогда. Хотя раньше я была самой болтливой девчонкой на свете. Обошала трещать без умолку, смешить друзей, и рассказывать истории. Пока не случилось это.

Мы подъехали к огромному особняку, и я застыла на сиденье. Он мне сразу не понравился – мрачный, серый, словно каменный гроб. Мой прежний дом был совсем другим: светлым, белым, всегда тёплым, с запахом моря и маминых духов. А здесь даже воздух казался тяжёлым, сырым и холодным.

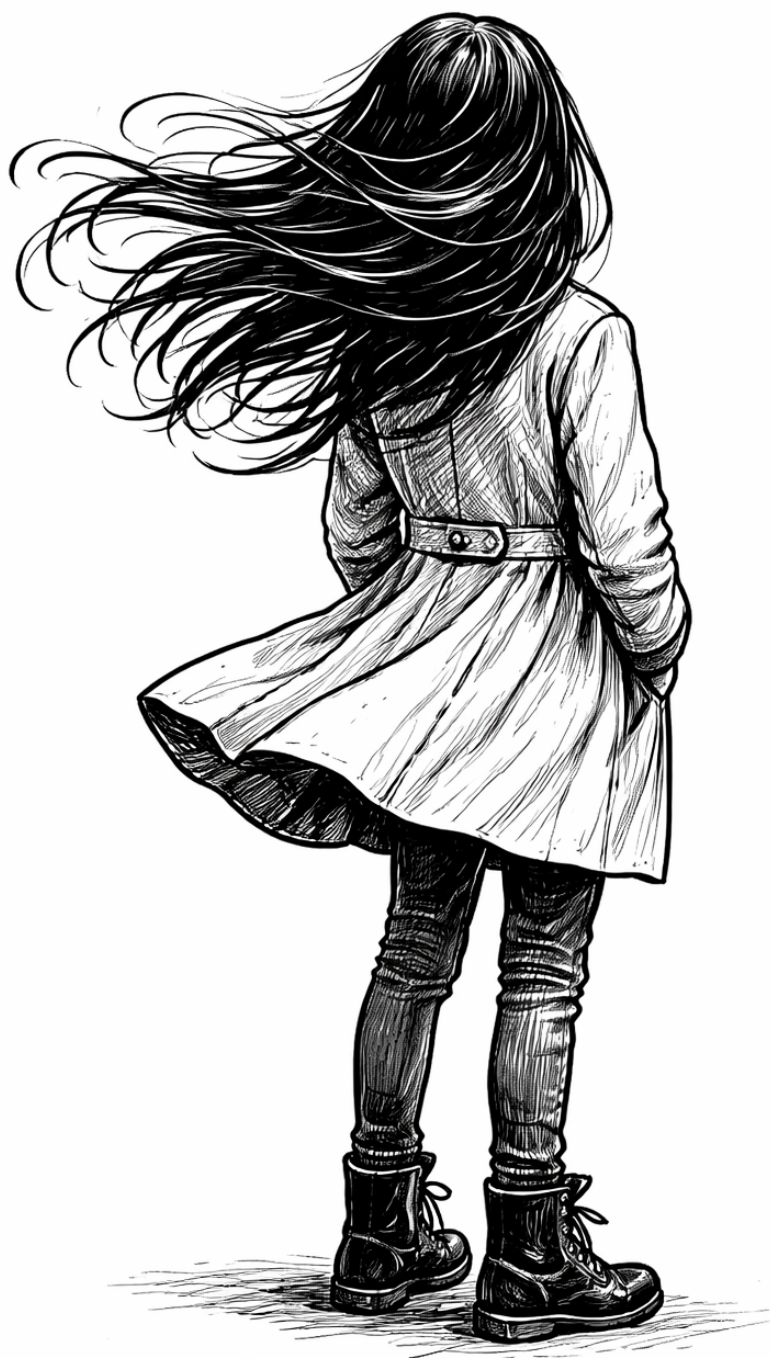
Я медленно, с большой неохотой вышла из машины. На крыльце уже стояли дети, от совсем маленьких до моих ровесников. Они смотрели на меня молча, без единой эмоции.

– Добрый день, мисс Гризельда. Это Кори Веллингтон. К сожалению, у малышки в Португалии погибли родители. Нас направили сюда, у вас же есть место?

– Конечно, есть, – ответила Гризельда ровным, и строгим голосом.

Я уже не слышала и не слушала их. Я смотрела на летящую вдалеке маленькую птицу, тёмную точку в сером небе и впервые за эти дни улыбнулась.

Хотела бы я быть такой же свободной. Просто взмахнуть крыльями и улететь туда, где нет боли.

– Кори? – позвала меня Стеффани.

Я вернулась в реальность. Прямо передо мной стояла женщина в строгом тёмном костюме – та самая Гризельда. Холодный, цепкий взгляд, острые скулы и волосы, туго собранные в строгий пучок.

– Это твоя воспитательница, – продолжала Стеффани. – Она же будет твоим учителем по биологии.

Я молча кивнула.

– Она немая? – спросила Гризельда, чуть приподняв бровь.

– Нет, – быстро ответила Стеффани. – Она... Просто застенчивая.

Я перевела взгляд на белого мальчика, который стоял чуть в стороне. Он смотрел на меня, не отрываясь, с холодной, пронзительной жёсткостью, будто уже решил, кто я такая и насколько быстро и без следов меня можно сломать. Волосы у него были почти белые, а глаза тёмные, как ночь. Этот взгляд заставил меня вздрогнуть.

Я оглядела остальных детей, они не выглядели несчастными. Просто... Обычные.

Как будто их всё устраивало. Как будто этот серый каменный дом был для них нормой. А для меня – клеткой.

Настоящее

Стэн так и не пришёл. Я не знаю, пошла бы я с ним или нет, но после вчерашнего Артур напугал меня так сильно, что даже думать об этом страшно. Теперь жить с ним под одной крышей ещё два года кажется настоящим адом, он и так доставал меня все эти шесть лет.

А теперь... Теперь всё стало в сто раз хуже. Зачем он поцеловал меня в щёку? Так горячо, так медленно... Я даже забыла, как дышать. А его пальцы... Они скользнули по моей груди, хотя там было мокрое полотенце, но всё равно... У него есть девушка. Как ему не стыдно? И мне самой стыдно, что я оказалась в этой жуткой, грязной ситуации. Будто я теперь тоже в чём-то виновата.

Я быстро оделась на физкультуру.

Этот урок я терпеть не могу. Если честно, ненавижу. Мне гораздо больше нравится биология и химия: там можно хотя бы думать о живом, а не бегать кругами под чужими взглядами.

Спустившись вниз, я остановилась у входа в столовую и посмотрела в окно. На старом дереве напротив каждое утро сидела моя туи. Это маленькая чёрная птица с белым хохолком. Я улыбнулась и тихо помахала ей рукой.

– Привет, – шепнула я, хотя она, конечно, не могла меня услышать.

Но я всё равно поздоровалась, так правильнее. Возможно вы считаете меня тоже чокнутой читатель, но я не могу иначе.

– Кори, ты извини, что вчера не зашёл, – раздался вдруг голос прямо за моей спиной.

Я вздрогнула всем телом. Это был Стэн. Он стоял слишком близко, в обычном спортивном костюме, с лёгкой виноватой улыбкой. От него пахло свежим воздухом и чем-то домашним, похожее на запах порошка.

– Дай свой номер, чтобы я мог написать, если что.

Я повернулась к нему и попыталась улыбнуться.

– Ой... Привет. Да ничего, – отмахнулась я. – У меня нет телефона.

– В смысле нет? – Он искренне удивился. – У всех есть, а у тебя нет?

– Ну... – я пожала плечами, глядя на его нормальную, «внешнюю» одежду. – Он мне не очень нужен. Разве что камера...

– Хм... – Стэн почесал затылок, задумчиво глядя на меня. – Ты такая незаурядная.

Я отвела взгляд и тут же наткнулась на Артура. Он стоял в коридоре, чуть поодаль, с руками в карманах, и не мигая смотрел на нас. Взгляд его был тяжёлым, как вчера под ледяным душем. Артур медленно покачал головой, словно предупреждая: «Я же сказал птичка».

Я сразу почувствовала тревогу, а волосы на голове зашевелились от страха.

– Ой, ладно, я пойду, – быстро пробубнила я. – Надо быстрее поесть, а потом физра...

Сам понимаешь.

– Я буду физру вести, – непринуждённо сказал Стэн.

Я непонимающе уставилась на него.

– Обычно её вёл старичок по имени Кэндис... Он рассказывал, как в молодости седлал лошадей, пока не забрёл в нашу гробницу. Куда он делся? И ты совсем не похож на учителя.

Стэн тихо рассмеялся.

– Не поняла? – переспросил он. – Я учусь в университете заочно и буду здесь преподавать.

– А сколько тебе? – вырвалось у меня.

Я была уверена, что он мой ровесник.

– Двадцать один.

Ого...

– А-а... – протянула я растерянно. – Ну... Я пойду.

Он не отстал и следовал за мной, как котёнок, которого погладили на улице и теперь считает меня своей хозяйкой. Я ускорила шаг, ворвалась в столовую и направилась к своему обычному месту в углу, стараясь ни на кого не смотреть. Особенно на Артура. Но я ощущала его взгляд. Он обжигал мою спину, как раскалённое железо. Я заняла своё привычное место в углу. Стэн сел рядом, так близко, что его колено едва касалось моего.

Да что же это такое... Может, сказать ему? Нет, я не могу. Он ничего плохого мне не сделал. Совсем. А если скажу, Артур узнает. И тогда...

Я взяла вафлю в рот, но в тот же миг почувствовала, как горло сжимается. Кусок застрял в горле, словно камень. Краем глаза я заметила, что Стэн пристально смотрит на меня с едва заметной улыбкой. Я не могла вздохнуть.

Я тяжело вздохнула, стараясь подавить нервную дрожь в руках, и всё же заставила себя посмотреть на него.

– Слушай... Ты извини, но можешь... Ну...

– Что? – спросил он беззаботно, откусывая свою вафлю.

– А я ничего, – выдохнула я и снова уткнулась в тарелку. Нога сама собой начала бешено отбивать дробь по ножке стола.

В первый раз за долгое время я позволила себе действительно внимательно оглядеться. В классе было два мальчика, которым исполнилось девять лет, и четыре девочки, которым уже шестнадцать. Всего восемь человек из моего класса. Среди них был он.

Ужасно учиться, наверное, вдвоём этим мальчикам... И дружить не с кем. Хотя я тоже так никогда ни с кем не дружила, кроме птиц.

– Слушай, ты чего-то боишься моей матери, что ли? – Стэн наклонился ещё ближе, его дыхание коснулось моей щеки.

Я резко повернула голову и увидела, что он внимательно смотрит мне в глаза. Меня охватило оцепенение, как у кролика, застигнутого взглядом хищной совы.

– Да нет... – прошептала я, но голос предательски дрогнул.

– Ну так в чём проблема? – спросил он ещё тише.

– Ни в чём... – ответила я едва слышно.

В этот момент я снова почувствовала взгляд Артура, который никак не переставал на меня смотреть. Он сидел через два стола, руки спокойно лежали на столешнице, выражение лица излучало дружелюбие. Он даже улыбался чему-то, что говорила Мелани, но смотрел только на нас.

Прямо на меня.

Моё сердце заколотилось так яростно, что я услышала в ушах глухой, панический стук. Артур медленно потянулся к телефону, который лежал рядом с тарелкой. Не отрывая от меня взгляда, набрал короткое сообщение – одним пальцем, два быстрых движения. Потом поднял глаза и очень медленно, специально для меня, провёл большим пальцем по экрану, будто стирал чьё-то имя... Или чью-то жизнь.

Одно слово в нужные уши, и тебя переведут...

Его голос из душа эхом взорвался у меня в голове. Холодные струи в душе. Его пальцы на моей груди. Обещание сломать меня последней. Мне стало трудно дышать. Комната сузилась до тоннеля. Я больше не слышала ни стука ложек, ни смеха за соседними столами, только свой собственный хрипящий вдох. Руки задрожали так сильно, что я едва не уронила вилку. Холодный пот выступил на спине, хотя в столовой было тепло.

Он сделает это. Он правда сделает. Я никогда не выйду отсюда в двадцать. Никогда.

Осознание поразило меня с такой силой, что глаза наполнились слезами. Я поспешно моргнула, пытаясь избавиться от них.

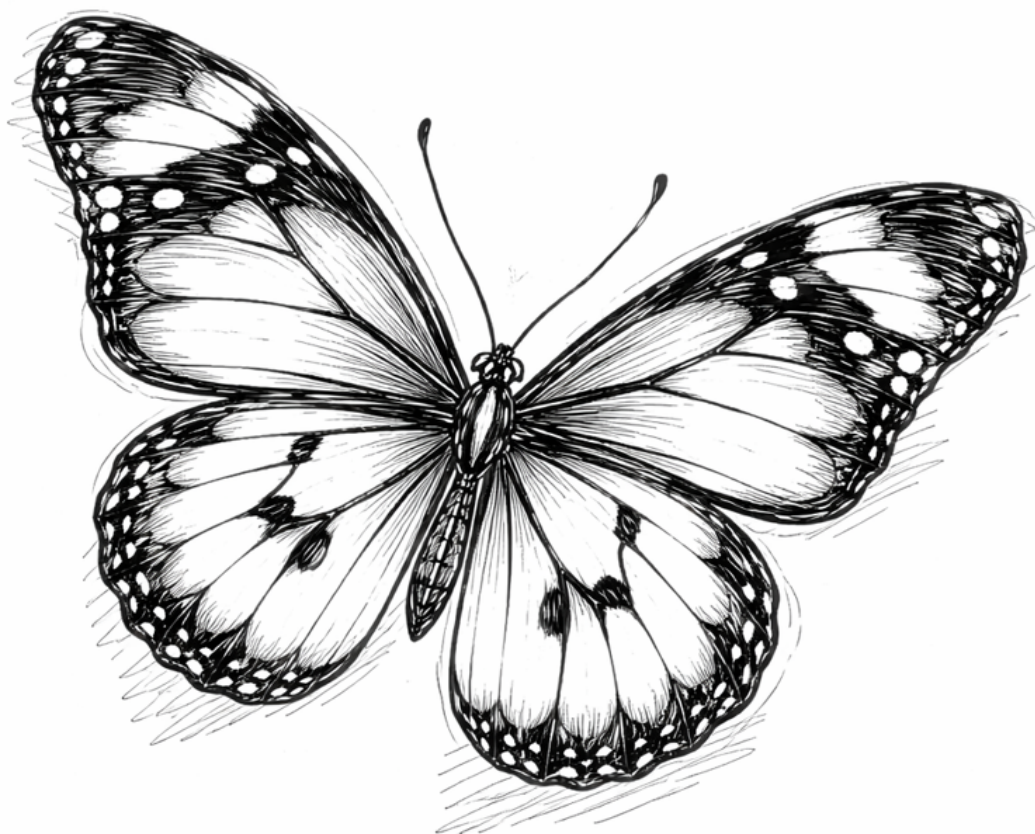
Нет, не здесь, и не сейчас. Не при Стэне.

Артур отвернулся к Мелани, обнял её за талию одной рукой и громко, заразительно рассмеялся над какой-то её шуткой.

Идеальный парень. Душа компании. Никто и не заметил, как он только что пробил моё сердце стрелой.

Глава 6. Кори

Бабочки – одни из самых хрупких элементов природы. Их пыльца – это не просто серебристая мантия, а тончайшая вуаль из лунного света и утренних снов, сотканная из тысячи крошечных чешуек-чудес. Одно неосторожное прикосновение, и вся магия осыпается золотым дождём, оставляя лишь прозрачные крылья-облака... Напоминание о том, как легко потерять настоящее волшебство.

Мы вышли на улицу. День был неожиданно солнечным и ярким, почти насмешливым после всего, что произошло за завтраком. Девочки впереди громко обсуждали какой-то новый фильм «Люби меня, люби меня». Я слышала это название впервые.

Я вообще люблю фильмы, но только те, где есть волшебство. «Властелин колец» – мой самый любимый фильм. Если бы мне дали выбрать мир, в который можно провалиться наве-

гда, я бы выбрала Средиземье на сто процентов. Там хотя бы можно было стать кем-то другим. Не запуганной девчонкой из приюта. Я бы стала Радагастом бурым¹!

Я отошла к старому дереву и присела на корточки. В траве ползла колонна чёрных муравьёв, они выглядели, деловито таща на себе мёртвую муху, будто она трофеем. Я сильнее наклонилась, прищурилась, пытаюсь разглядеть их крошечные мордочки.

Как они умудряются быть такими сильными и организованными?

Внезапный толчок сзади заставил меня потерять равновесие. Я не успела среагировать и врезалась грудью в муравейник со всей силы. Под пальцами раздался слабый хруст. Я осторожно подняла голову вбок и увидела Хантера.

Он стоял надо мной и показывал фак, широко ухмыляясь.

Я перевела взгляд на раздавленных муравьёв. Маленькие чёрные тельца размазались по земле и моей мастерки. По щекам мгновенно подступили слёзы.

Из-за муравьёв и всего ужасного, бесконечного начала дня. Почему вокруг меня только жестокие люди? Почему даже самые маленькие радости кто-то обязательно ломает? Стэн пока не такой, но вдруг он тоже? Вдруг все они одинаковые?

Я молча отряхнула кофту от размазанных муравьёв и травы, хотя знала, что пятна всё равно останутся.

– Строимся! – громко скомандовал Стэн.

Я поплелась в конец шеренги.

Я всегда самая мелкая, поэтому стою последней. Да мне плевать, если честно. Кто какой комплекции и роста. Разве это важно? Нет, конечно. Главное выжить этот урок и не привлекать к себе внимания.

Стэн прошёлся перед строем, засунув руки в карманы спортивных штанов. Солнце красиво подсвечивало его каштановые волосы. Он выглядел здесь совсем не к месту – слишком живой, слишком настоящий для нашего серого мира.

– Итак, – начал он спокойно, но с тёплой улыбкой, которая сразу разлетелась по всей шеренге. – Меня зовут Стэн. Сегодня и в ближайшие месяцы я буду вести у вас физкультуру вместо мистера Кэндиса. Он, кстати, ушёл на заслуженный отдых, теперь седлает лошадей уже не только в рассказах.

Несколько девочек тихо хихикнули. Я стояла, опустив глаза, и пыталась дышать ровно. Сердце всё ещё стучало сбивчиво после взгляда Артура за завтраком.

– Я не буду заставлять вас бегать кругами просто так, – продолжал Стэн. – Мы будем делать то, что действительно полезно. Силу, выносливость, координацию и немного веселья, потому что без него всё это просто пытка. Сегодня начнём с лёгкой разминки, потом поработаем с мячами и в конце небольшая игра. Всё понятно?

Он обвёл нас взглядом и неожиданно остановился на мне. Его глаза тут же потеплели.

– Кори, – сказал он мягко, но так, чтобы все услышали. – Ты в порядке? Выглядишь немного... Расстроенной.

Все резко обернулись ко мне. Артур стоял первым в строю, скрестив руки. Его взгляд заставил меня вспомнить его шёпот в душе: «Не ходи с ним... Иначе я тебя сломаю птичкааа».

Я быстро кивнула, опустив голову ещё ниже.

– Всё хорошо, – тихо выговорила я.

Стэн кивнул, но по его лицу скользнула тень лёгкого беспокойства, но он не стал давить, а просто продолжил:

– Отлично, тогда начинаем. Два круга вокруг поля лёгким бегом. Держим темп, не растягиваемся. Поехали!

Я побежала последней. Ноги будто налились свинцом, и едва отрывались от земли.

¹ Персонаж из легендарiums Дж.Р.Р. Толкина, волшебник из ордена Истари. Он создатель растений, животных и птиц.

Терпеть не могу бегать. А вы? Если случится зомби-апокалипсис, я, вероятно, умру первой. Пробегу метров пять и упаду где-нибудь на дороге, выплевывая легкие.

Я смотрю вбок на старые деревья, которые медленно проплывают мимо, их стволы покрыты мхом, ветки тянутся к небу, будто просят о пощаде. Лишь бы не смотреть на остальных и не думать, что я снова здесь, на виду у всех.

Внезапно передо мной возникает Артур. Он бежит спиной вперёд, легко, будто это для него не нагрузка, а так чисто прогулка. Руки в карманах спортивных штанов, тяжёлый взгляд прикован ко мне. Я поднимаю глаза и пытаюсь прочесть его мысли, но там только тьма галимая.

– Что я тебе сказал? – спрашивает он ласково.

Я бегу, не произнося ни слова, и смотрю себе под ноги. Моё сердце стучит уже не из-за быстрого шага.

– Ты снова язык проглотила, что ли? – Голос становится опаснее. – Кори не совершай ошибку.

Глаза мгновенно обжигает. Я резко замираю. Губа начинает предательски подрагивать. С огромным усилием я пытаюсь сдержать слёзы, но они уже готовы пролиться. Артур тоже останавливается и подходит ближе. Он смотрит на меня холодно, без малейшего сострадания.

– Не реви, – бросает он.

– Оставь меня... Я ничего тебе не сделала!

Он начинает смеяться идеальной, белоснежной улыбкой. От этого у меня всё внутри переворачивается. Я кривлю лицо, недоумевая, что тут смешного?

– Ты глупая птичка, Кори, – говорит он, всё ещё улыбаясь. – Ты правда не понимаешь?

Я отрицательно качнула головой, и в этот момент на его плечо мягко опустилась ярко-оранжевая бабочка. Она выглядела почти нереальной на фоне его белой футболки. Крылья медленно открывались и закрывались будто дышали.

Я знаю, на что способен Артур. Он точно такой же, как Хантер. Для него любое живое существо – это просто вещь, которую можно в любой момент сломать, убить или растерзать.

– Стой, пожалуйста... – тихо говорю я и поднимаю руки, словно сдаюсь.

Он поднимает бровь, смотрит на меня с лёгким недоумением. Я подхожу медленно, робко, будто к дикому зверю. Осторожно кладу палец ему на плечо. Бабочка, словно почувствовав меня, перебирается на мой палец. Тонкие лапки щекочут кожу. Я прикусываю губу, чтобы не улыбнуться слишком широко, и осторожно поднимаю руку.

– Лети... – шепчу я.

Бабочка взмахивает крыльями и поднимается в воздух. Прекрасное оранжевое пятнышко на фоне синего неба. Я провожаю её взглядом, пока она не растворяется среди зеленых деревьев.

Артур пристально смотрит на меня. Затем он наклоняется ближе:

– Ты спасаешь бабочек, птичка... А кто спасёт тебя от меня?

Я резко поворачиваю голову, застывая как статуя.

Он находится совсем рядом. Наши лица почти касаются друг друга. Я задерживаю дыхание и смотрю прямо в его бездонные чёрные глаза. В них нет дна, лишь тьма, о которой пишут в Библии, и что-то ещё, от чего у меня внутри всё трепещет. Моё сердце бьётся так громко, что кажется, будто он тоже это слышит.

– Корри! Артур! Почему не бежите?! – кричит Стэн, почти подбегая к нам. Голос у него встревоженный, но всё ещё добрый.

Артур не отводит от меня взгляда ни на секунду. Только медленно, лениво выпрямляется, не торопясь. На губах появляется наглая ухмылка.

– Мы уже закончили, – отвечает он Стэну спокойно, даже дружелюбно, но в голосе все равно сквозит дикое раздражение. – Правда, птичка?

Я не могу оторвать от него глаз. Чувство шока всё ещё не отпускает меня. Я внимательно рассматриваю его прекрасное лицо, лунное лицо.

Какой же он притягательный? СТОП ЧТО?...

Артур снова наклоняется ко мне, чтобы Стэн не мог услышать. Его губы касаются моей щеки, и он шепчет:

– Беги, Кори и запомни, что в следующий раз я не позволю тебе отвернуться.

Он отстраняется, разворачивается и легко трусит дальше, будто ничего не произошло.

Стэн подбегает ко мне сразу.

– Эй, всё нормально? – спрашивает он, слегка запыхавшись.

– Да, – быстро отвечаю я и срываюсь вперёд, ускоряясь, как будто меня подхватила невидимая волна. Как птица, которая вдруг вспомнила, что крылья у неё всё-таки есть.

Стэн смеётся и легко догоняет меня.

Ощущение, будто я попала в какой-то гребаный цирк. Что такое-то?

Я поворачиваю голову набок, смотря как он продолжает открыто смеяться. И я вдруг тоже начинаю хохотать, как полная дура. Смех вырывается сам, громкий, неуклюжий, даже истеричный. Запинаюсь о камень и лечу вперёд. Он мгновенно ловит меня за талию, крепко удерживая.

Кошмар! Я опозорилась за свою вечную неуклюжесть!

– Осторожнее, – смеётся он, помогая мне встать.

Я поднимаюсь на ноги, отряхиваясь. Чувствую, что мои щеки не перестают краснеть уже второй день подряд.

– Господи, извини, – быстро говорю я, запыхавшись. – Я всегда такая...

– Да ничего, – улыбается он. – Так ты пытаешься от меня убежать из-за своего парня, что ли?

– Я??? Я чт... Нет! Он не мой парень! – говорю я с выпученными глазами и яростно качаю головой. – Он точно нет! НЕТ!

Стэн снова смеётся.

– Ну а в чём проблема тогда? Ты скажешь?

Я набираю воздуха в грудь. Впервые говорю прямо:

– В том, что ты наш учитель, Стэн. И мне не нужны проблемы. Я хочу просто доучиться эти два года. И...

Нет. Про Артура я не скажу ни слова.

– Так я же временно, – пожимает он плечами. – Тем более тебе уже восемнадцать. В чём проблема?

Я даже не знаю, что ему ответить. Мы знакомы всего два дня. А я даже не умею толком общаться с парнями. Никогда не умела.

– Ну я... Я слушай, не могу. У меня это... – я лихорадочно ищу хоть какую-то причину, любую, лишь бы не стоять здесь и не чувствовать, как Артур где-то впереди наверняка наблюдает за нами. – У меня... Я только что вспомнила! Сегодня утром я видела туй в саду, она вела себя странно. Я... Я боюсь, что она могла пораниться. Мне нужно срочно проверить, вдруг она в беде. Птицы... Они не всегда показывают, когда им плохо. Прости!

Я резко разворачиваюсь и кидаюсь прочь – неловко, вприпрыжку, будто за мной и правда несётся стая зомбаков. Сердце колотится как бешеное, а дыхание сбилось в какой-то хаотичный, рваный ритм.

Пусть думает, что я сумасшедшая.

Я выбегаю в сад, хватая воздух лёгкими, будто они вот-вот лопнут. Театрально падаю в траву, всем телом, как раненый зверь, который наконец-то нашёл место, где можно сгинуть.

Я даже не сразу понимаю, что это он. Паника всё ещё гудит в ушах, и я начинаю тараторить, не успевая фильтровать слова. Забыв, кто передо мной.

– Ты не понимаешь! – визжу я, всё ещё вцепившись в его футболку. – Они жужжат точно так же, как тогда, когда мне было девять и я полезла в дупло за птенцом! Там было осиное гнездо, и они все вылетели разом, и я потом неделю не могла спать, потому что в голове это жужжание не прекращалось! А шмели, они вообще как танки, они не просто жалят, они впииваются и продолжают, и у меня аллергия, и если он меня тронет, то я раздуваюсь, как воздушный шар, и мне в больницу, и я не могу, Артур, я правда не могу, я лучше с птицами, они тихие, они понимают, а эти... Эти просто летающие кошмары!!!

Шмель наконец-то разворачивается и улетает в сторону кустов. Я хватаюсь за сердце, которое колотится где-то в горле.

– Ужас... Кошмар... – шепчу я, всё ещё дрожа. – А если бы он укусил? Представляешь, какая штамба бы была!!!

Не подумав, я хватаю его за руки и начинаю трясти их, как будто пытаюсь вытрясти из него понимание.

Вот дерьмо.

Я резко отпускаю его ладони, будто обожглась. Только сейчас до меня доходит, кто стоит передо мной. Артур с поднятыми бровями. Смотрит на меня так, будто я самое интересное существо в этом саду, и я только что вывалила ему всю свою детскую истерику.

– Огооо... – протягивает он с искренним удивлением. – Буду знать, эта информация очень ценная, птичка.

Он снова рассмеялся, но уже тише.

Я сжимаю губы так сильно, что они белеют.

– Не смешно, – буркаю я и разворачиваюсь, иду обратно в траву.

– Слушай, – говорит он мне в спину, – кажется, ты со мной за все шесть лет столько не говорила, сколько сегодня. Отлично.

Я резко останавливаюсь.

– Да ну? – бросаю через плечо. – Тебе просто повезло.

Плюхаюсь в траву, осматриваясь по сторонам: нет ли где ещё этих полосатых летающих танков. Адреналин до сих пор пульсирует в висках, смешиваясь со страхом.

Артур следом садится рядом со мной, и его плечо почти касается моего.

– Тебе надо на урок, – быстро говорю я, трогая пальцем нежный лепесток цветка, лишь бы не смотреть на него.

– Тебе тоже.

– Я отпросилась, – вскидываю палец и криво улыбаюсь, стараясь выглядеть уверенной.

Артур молчит секунду. Потом наклоняется чуть ближе. Его палец медленно проводит по травинке прямо у моего бедра – совсем невинно, но от этого движения у меня внизу странно начинает теплеть.

– Отпросилась, значит... – произносит он тихо. – Тогда у нас с тобой целая куча свободного времени, и я как раз собирался тебе кое-что объяснить насчёт Стэна.

Глава 7. Кори

Твоя душа – это живая палитра, где каждый цвет рождён твоей жизнью.

Шесть лет назад

Меня поселили в крошечную комнату на втором этаже. Она была мрачной, как склеп: серые стены, узкое окно с решёткой, железная кровать и запах старой пыли. Я сразу почувствовала, что здесь никогда не будет дома.

В первый же вечер я достала цветную бумагу, которую тайком сунула в сумку Стеффани, и начала вырезать птиц – точно так, как учила мама в детстве. Маленькие буревестники, чайки, туи. Я вырезала их аккуратно, стараясь не дрожать руками, и приклеила скотчем над кроватью. Получилось жалко и ярко одновременно, будто кто-то пытался вдохнуть жизнь в мёртвую комнату.

На следующий день Хантер Фиш уже поставил мне подножку в коридоре. Я грохнулась лицом вниз, разбила колено до крови. Вечером в столовой он «случайно» облил меня супом. Горячая жидкость стекла по серому платью, и обжигала ноги. Я стояла молча, глядя в пол. А его вожак – Артур просто наблюдал. Сидел за своим столом, откинувшись на стуле, и смотрел на меня немигающими глазами.

Я не произнесла ни слова. У меня не было слов. Я ощущала себя измождённой. Внутри меня царила безмолвная, холодная и бескрайняя пустота, поглощая все эмоции и чувства.

Я старалась не выходить из комнаты. Только на уроки и обратно. Ела один раз в сутки – просто потому, что надо было что-то проглотить. Аппетита не было совсем. Однажды утром я стояла у окна и смотрела в сад. На траве, под старым деревом, билась маленькая птица. Она пыталась взлететь, но крыло не слушалось. Оно волочилось по земле, как сломанное. А Хантер стоял рядом и тыкал в неё палкой, и громко ржал. Душа моя в миг заболела от такого зрелища. Я вылетела из комнаты сломя голову, пронеслась по коридорам и выскочила в сад. Хантер всё ещё смеялся. Артур и ещё один парень по имени Кен сидели на поваленной ветке и наблюдали, как будто смотрели скучный фильм.

Я подбежала и с размаху толкнула Хантера в грудь. Он не ожидал, и его отбросило назад, он тяжело плюхнулся спиной в траву. Злобно уставился на меня снизу вверх

– Ты что, тварь, совсем охренела?! – заорал он, поднимаясь.

Я возвышалась над ним, с угрюмым выражением лица и пристальным взглядом. Внутри меня бушевала злость, руки тряслись от волнения, а дыхание сбивалось, становясь неровным.

– Немая, блять! Я тебе сейчас так въёбу мало не покажется!

– Хантер, перегибаетесь, – спокойно, но жёстко сказал Артур.

Он даже не встал. Просто повернул голову и посмотрел на Хантера. В этом взгляде была власть, от чего тот сразу замолчал и отступил на шаг.

Я не стала ждать продолжения. Подбежала к птице, и осторожно взяла её в ладони. Маленькое тельце дрожало от страха. Крыло было сломано – не сильно, но достаточно, чтобы она не могла взлететь.

Я побежала обратно в комнату, прячась от воспитателей в тёмных коридорах. Там я положила птицу в картонную коробку из-под своих вещей, выстелила её мягкой тканью от старой наволочки. Крыло я зафиксировала тонкими полосками бумаги, смоченными в воде, мама когда-то показывала мне, как делать простые шины для раненых птиц. Я знала, что нельзя сильно затягивать. Я знала, что нужно тепло и покой.

Каждый день я тайком приносила ей крошки хлеба, кусочки яблока, которые удавалось выпросить в столовой. Поила из пипетки, которую стащила из кабинета биологии. Сидела рядом часами и шептала ей всё, что не могла сказать людям:

– Ты тоже хочешь улететь, да? Я понимаю... Я тоже.

Через неделю она уже могла стоять. Ещё через три дня начала хлопать крыльями. Я кормила её всё меньше и меньше – готовила к свободе. А потом, в один солнечный день, я вынесла коробку в самый дальний угол сада, открыла крышку и тихо сказала:

– Лети. Будь свободной. Пожалуйста...

Птица неуверенно взмахнула крыльями – сначала робко, будто сомневаясь, потом всё сильнее и решительнее. Она оторвалась от земли и плавно поднялась в небо. Я стояла, запрокинув голову, и смотрела, как она медленно растворяется в синеве. В груди тихо, но болезненно потянуло:

Если она смогла улететь отсюда, то и я когда-нибудь тоже смогу.

На следующее утро я нашла её под тем же деревом.

Мёртвой.

В маленькое тельце была воткнута грубая самодельная стрела. Перья вокруг раны слиплись от крови. А чуть в стороне, у ствола, сидел Артур, который безмятежно точил ножом новые стрелы из тонких веток, а стружки падали ему на колени. Он поднял глаза и посмотрел на меня всё тем же немигающим взглядом.

Без улыбки.

Без слов.

Только смотрел.

Он знал. Знал, что я ее вылечу. Знал, когда я её выпустила. Знал, что я буду здесь искать.

Я медленно опустилась на колени рядом с мёртвой птицей, и впервые тихо заплакала, внутри был холод – такой же серый и тяжёлый, как стены приюта «Заботливые крылья».

Глава 8. Кори

Он был здесь самым живым – самым ярким, самым настоящим, тем, от кого даже воздух начинал искриться.

Мне удалось вырваться от Артура. Я буквально влетела в кабинет химии, резко прижалась спиной к холодной стене и попыталась отдышаться. Сердце колотилось так бешено, будто хотело вырваться из груди.

Больше всего пугало даже не то, что он мог сказать или сделать. Пугал его взгляд, слишком прямой, слишком близкий. Стоило ему подойти, и я сразу чувствовала себя пойманной, как будто меня уже схватили и теперь медленно, с интересом разглядывали со всех сторон.

Я подошла к доске и уставилась на периодическую таблицу Менделеева. Химия – единственный предмет, где всё имело смысл. Каждый элемент на своём месте, каждая связь предсказуема. Я провела пальцем по строке с редкими металлами и тихо улыбнулась:

Иридий самый плотный и стойкий, как буревестник в шторме.

– Кори, ты что-то рано, – раздался вдруг мягкий, удивлённый голос.

Я вздрогнула и сразу обернулась. В дверях стояла мисс Оливия – это новая учительница химии. Она молодая женщина лет тридцати, ухоженная до совершенства. От неё пахнет дорогим кремом и чем-то пудровым, нежным, и сладким. Волосы цвета светлого блонда были собраны в аккуратную шишку, белая блузка идеально сидела на фигуре, а серые брюки на высокой посадке делали её похожей на женщину из модного журнала космополитен.

Вау! Я бы тоже так хотела одеваться, когда наконец выйду отсюда. Не в эту серую униформу, а в настоящую, взрослую, модную одежду.

– Ой... Я просто очень ждала этот урок, – ответила я с улыбкой, стараясь, чтобы голос не выдал меня своей постоянной дрожью.

Она искренне улыбнулась в ответ.

– Приятно слышать. Садись пока, остальные сейчас подтянутся.

Класс быстро заполнился. Все шумно плюхались за парты, стулья скрипели, кто-то уже начал перешучиваться. Я не смотрела в сторону троицы – Артура, Хантера и Кена. Просто прошла к своему одинокому месту в самом конце, со мной никто никогда не сидел и это было даже хорошо.

Урок начался, а из открытого окна тянуло свежестью после дождя, где-то вдалеке звонко пели птицы. Я уже расслабилась, когда в окно влетел он.

ГРЁБАНЬИ ТАНК.

Большой, чёрно-жёлтый, мохнатый. Он сразу начал кружить по всему классу, издавая низкое, густое жужжание. Пока мисс Оливия рассказывала о свойствах щелочных металлов и их реакции с водой, я сидела, застыв как статуя. Это жужжание заползло мне прямо под кожу, сердце сжималось в тугий болезненный комок. Паническая атака уже стояла на пороге, я знала этот звук наизусть.

Девять лет. Дупло. Осиное гнездо. Неделя без сна.

В дверь постучали.

– Извините, мисс Оливия, – раздался знакомый голос. – Мисс Гризельда сказала, у вас тут должны быть добровольцы для работы в саду. Мне нужны двое-трое ребят на сегодня.

– Ох, конечно! – быстро ответила мисс Оливия, поправляя волосы. – Вон там, в журнале, список выбирай.

Стэн вошёл в класс. Я всё ещё сидела неподвижно, слушая, как шмель приближается. Он летел прямо ко мне.

Господи, помилуй... ОТЧЕ НАШ ЕЖИ, ЕСИ НА НЕБЕСЕХ!

Стэн прошёл мимо моей парты. Шмель резко дёрнулся в сторону и отлетел.
Фуххх...Блина-малина...

Но он всё ещё был здесь, я слышала его. Внезапно по классу раздался громкий хлопок о парту. Я повернула голову в сторону хлопка. Артур сидел через проход и смотрел на меня. На его ладони была жёлто-чёрная каша, все что осталось от шмеля.

Ужасно. Совсем не обязательно было его убивать. Злыдень.

Я расстроено выдохнула и уткнулась в тетрадь, пока мисс Оливия продолжала урок, даже не заметив этого как и другие. Стэн остановился возле моей парты. Всё произошло очень быстро. Пока учительница стояла спиной, он незаметно сунул мне что-то в карман куртки, подмигнул и пошёл дальше, будто ничего не было.

Я задержала дыхание, чувствуя, как во рту пересохло. Осторожно опустив руку в карман, я нащупала там что-то, завернутое в тонкую бумагу.

Шоколад?

К шоколадке была прикреплена сложенная бумажка. Я оторвала её в кармане и достала.
«Это будет нашим секретом, не бойся. Я вижу, что ты заинтересована во мне так же, как я в тебе. Я вижу, что ты очень стеснительная, но я уверен мы можем подружиться».

Слова ударили меня в самое сердце, как я совсем не ждала. Я перечитала записку ещё раз. И ещё. Сердце колотилось уже не от страха, а от чего-то совершенно нового – лёгкого, неведомого, как крылья бабочки на ветру. Щёки вспыхнули жаром. Пальцы, сжимавшие бумажку, слегка дрожали.

Он меня по-настоящему заметил. Не как чокнутую, не как птичку, которую можно пугать или дразнить. Он увидел меня. Ту, которая прячется в углу, разговаривает с птицами и боится даже собственной тени. И он сказал, что я ему интересна. Что мы можем... Подружиться.

Я почувствовала, как уголки губ сами собой ползут вверх. Улыбка вышла глупая, широкая, детская – такая, какую я не позволяла себе уже много лет. Я прижала записку к груди, словно это был маленький секретный буреветник, который только что прилетел ко мне из другого мира. Там, где есть солнце, шоколад и кто-то, кто смотрит на тебя не с угрозой, а с... Симпатией?

Может, это и есть то самое? То, о чём мама говорила в Португалии? Когда человек появляется и вдруг становится твоим безопасным небом?

Однако вслед за этой приятной волной накатила тьма, как это всегда бывает. Я ощущала его взгляд на своём затылке. Он всё видел, или не всё, но вполне достаточно.

И если он узнает...

Я быстро скомкала бумажку в кулаке, но не смогла перестать улыбаться. Даже когда мисс Оливия вдруг спросила:

– Корри, что у тебя там?

Я вздрогнула и мгновенно спрятала руку под парту.

– Ничего, – быстро ответила я, всё ещё с дурацкой улыбкой на губах.

Она прищурилась, посмотрела на меня чуть дольше, чем нужно, но ничего больше не сказала и продолжила урок.

Стэн открыто улыбнулся, смотря на меня.

– Я возьму вашу троицу. «Самые спортивные ребята», – сказал он и кивнул Артуру, Хантеру и Кену в сторону выхода. – Пошли, парни, сад ждать не будет.

Артур, Хантер и Кен лениво поднялись. Стулья скрипнули. Они пошли к двери, шаркая подошвами по полу, будто каждый шаг был им в тягость. Уже в дверях Артур вдруг повернул голову и посмотрел прямо на меня. Медленно провёл большим пальцем по горлу – чёткий, недвусмысленный жест: «убью».

Я резко вжалась в парту, пытаюсь стать совсем незаметной.

Почему? Я ему ничего не сделала. Не обзывала, не трогала, даже не смотрела в его сторону лишний раз. Я просто живу здесь как призрак этой гробницы – тихой, незаметной, и невидимой. Почему именно я вызываю в нём такую ярость?

После уроков был обед, но я не могла туда идти. Не после этого взгляда. Я проскользнула на кухню, как ниндзя, и тихо постучала в дверь подсобки.

Анна наша повариха сразу поняла. Полная женщина лет пятидесяти, с уже сильно поседевшими волосами и россыпью веснушек на круглых щеках. Она всегда хорошо ко мне относилась. Молча достала контейнер и положила туда два бутерброда с сыром и тонкими ломтиками огурца, большое красное яблоко и пару печений, которые, наверное, оставались с вчерашнего чаепития воспитателей.

– Ешь медленно, птичка, – шепнула она и подмигнула. – А то опять будешь голодная до вечера.

Я благодарно улыбнулась и выскользнула наружу. Сад встретил меня тишиной и запахом влажной земли после дождя. Я пробралась за большое старое дерево в самом дальнем углу, где меня точно никто не увидит, и села прямо на траву. Открыла контейнер. Запах свежего

хлеба и сыра сразу напомнил о доме – о том, как мама когда-то делала мне точно такие же бутерброды на пикниках.

Я отломил кусочек корочки и бросила муравьям, которые уже деловито сновали вокруг моих ног. Маленькие чёрные тельца мгновенно облепили угощение.

Интересно, что муравьи хоронят своих сородичей. Тех, кого я случайно раздавила утром, наверное, уже несут в муравейник, чтобы похоронить по всем правилам. Живые всегда заботятся о мёртвых. А люди... Люди иногда просто давят.

– Вот урод! – заорал вдруг Хантер, врываясь в сад.

Я мгновенно слилась со стволом дерева и затаила дыхание.

Они должны были быть на обеде. Почему они здесь?

– Угомонись, – рыкнул Кен.

– Как я могу угомониться, если этот гондон заставил нас полоть ебаную траву?! ПИ-ДА-РА-СИ-НА!

Я закрыла глаза.

Только бы не заметили. Только бы прошли мимо.

– Ты видел, как он смотрит на Кори? – продолжал Хантер, уже ближе. – Он, походу, конченный, раз на неё пялится!

Мне стало больно.

Значит, для них я всё ещё уродина. Чокнутая. Даже если кто-то и смотрит – это просто насмешка.

– Ты слишком часто это говоришь, – засмеялся Кен. – Может, она тебе просто нравится?

– Чего?! – нервно выдохнул Хантер. – Нет! Она полоумная!

– Да, она странная, – согласился Кен. – Но глупо отрицать, что её тело и лицо изменились.

Она красивая...

Сердце у меня остановилось на секунду.

Красивая? Он серьёзно?

– О ком вы? – раздался ленивый голос Артура.

Он тоже здесь.

– О Кори, – хохотнул Кен. – Мне кажется, Хантер пиздит на неё именно потому, что она ему нравится, и ревнует к Стэну!

Сердце застучало у меня уже в висках.

Кошмар. Я попала в какой-то фильм ужасов. Как теперь выбраться? Может, просто встать и убежать?

Но ноги не слушались.

– Так она тебе нравится? – спросил Артур у Хантера. Голос был абсолютно равнодушный.

– Нет! – выкрикнул Хантер. – Не нравится, ясно?! Она ебанутая, и этот Стэн, который заставил нас полоть...

Голоса начали удаляться в сторону дальней клумбы. Я сидела, вжавшись в дерево, будто вросла в него, и не могла пошевелиться. В груди одновременно горело и мёрзло. Они говорили обо мне так, будто я вещь. Будто я просто предмет для обсуждения.

Но одно слово всё-таки застряло внутри и светилось тёплым, болезненным светом: *красивая*.

Глава 9. Кори

В панике она бьётся о стекло – раз за разом, снова и снова, словно надежда может пробить невидимую преграду. Крылья трепещут, сердце стучит, как барабан свободы, а за окном – тот самый мир, который она помнит всем телом.

Я притворилась, что заболела. Сказала Гризельде, что у меня кружится голова и подташнивает. Обычно я не вру, но сегодня идти никуда не хотелось совсем.

Осталась в своей комнате. Закрыла дверь, села на край кровати и долго смотрела на себя в маленькое треснувшее зеркало, которое висело над умывальником. Я пыталась понять: красивая я или нет.

Ну... Может.

Я повернула голову влево, потом вправо. Щёки слишком круглые. Нет тех чётких скул, как у Мелани или у старших девочек. Веснушки на носу вылезли из-за солнца – мелкие, рыжеватые, как пыльца. Глаза ярко-бирюзовые, большие, почти круглые. Вздернутый маленький нос. Пухлые губы бантиком. Каштановые волосы до предплечий, слегка выющиеся, сейчас расчёпанные после того, как я весь день пряталась. Кожа бледная, почти прозрачная. Я наклонилась ближе. Потом откинулась назад. Смотрела с разных ракурсов, будто искала в своём отражении кого-то другого.

Красивая...

Слово Кена из сада всё ещё звучало у меня в голове. Он сказал это так просто, будто это был очевидный факт, а Хантер сразу начал отнекиваться.

Я встала, подошла к зеркалу вплотную и провела пальцами по щеке.

Может, он прав?

В кармане куртки лежала шоколадка. Я достала её, вернулась на кровать и села по-турецки. Обёртка тихо зашуршала. Я отломил первый кусочек и положила на язык. Горьковато-сладкий вкус сразу растёкся по рту.

И я начала представлять.

Представляла, как Стэн берёт меня за руку – не тайком, не в коридоре, а при всех. Как мы идём по саду, и он не боится, что на нас смотрят. Как он говорит мне своим приятным, чуть хриловатым голосом:

– Кори, ты не чокнутая. Ты особенная!

Как мы уезжаем отсюда вместе, когда мне исполнится двадцать. Он садится за руль старой машины, я рядом, окно открыто, ветер треплет мои волосы, а в небе над нами летят птицы и показывают дорогу к океану.

Я представляла, как он целует меня. Не в щёку, как Артур, а по-настоящему – медленно, осторожно, будто боится, что я испугаюсь и улечу. Как его жёлтые глаза становятся совсем близко, и в них отражаюсь я – не серая тень приюта, а девочка, которая наконец-то может дышать полной грудью.

Я откусила ещё кусочек, сладкий шоколад таял на языке.

А потом в голову ворвался Артур. Его чёрные глаза и шепот под ледяным душем:

– Ты будешь моей, птичка.

Улыбка сразу погасла, сделав моё каменным. Я крепче сжала шоколадку в ладони, она тут же хрустнула, разломившись.

Почему он так меня ненавидит?

Вдруг под дверь тихо скользнула сложенная бумажка. Я прищурилась, быстро спустила ноги с кровати и подняла её. Сердце уже стучало быстрее, хотя я ещё ничего не прочитала. Развернула.

«Приходи в кабинет химии».

Улыбка снова сама собой расползлась по лицу.

Конечно, это Стэн. Кто ещё мог написать? Он же сказал, что это будет нашим секретом. Наверное, хочет поговорить или просто увидеть меня. Сейчас уже поздно, ночь, но мне так хотелось его увидеть. Хоть на минуту, одним глазком.

Я надела кроссовки прямо на босу ногу, вышла на носочках и тихо закрыла за собой дверь. Коридоры приюта в это время были особенно мёртвыми, только редкие лампы тускло светили под потолком, да где-то далеко слышались приглушённые голоса воспитателей. Каждый раз, когда голоса приближались, я впечатывалась в стену или пряталась за выступом, затаив дыхание. От адреналина сердце колотилось так громко, что казалось его слышно на весь этаж.

Наконец я добралась до кабинета химии. Дверь была приоткрыта совсем чуть-чуть. Я толкнула её пальцами, как мышка, тихо-тихо. Я замерла, а мои глаза почти закатились от шока. Рот открылся сам собой, но крик застрял где-то в горле.

Стэн стоял у стола мисс Оливии... И занимался с ней взрослыми делами. Прямо на классном столе. Её белая блузка была расстёгнута, юбка задрана высоко на бедра. Он уверенно держал её за шею, а штаны были спущены до колен. Мисс Оливия тихо стонала, прижимаясь к нему, запрокинув свою голову.

Меня начало очень сильно тошнить. Желудок сжался в тугий ком.

Что это? Зачем? Я думала, я ему нравлюсь. Он писал мне записку, подмигивал, дарил шоколадку. А теперь... Это? С нашей учительницей прямо здесь! В том самом кабинете, где днём он подмигнул мне и сунул в карман тайну? Зачем он позвал меня? Чтобы я увидела это? Чтобы я поняла, какая я наивная дурында?

Я никогда в жизни не видела, как занимаются любовью люди. Только в книжках читала, и то очень стыдливо для меня, я потом молилась вечером, прося у бога прощения за это. А здесь всё настоящее, громкое, влажное и очень живое. Её стоны, его тяжёлое дыхание и скрип стола

Я застыла, как истукан, не шевелясь. Ноги приросли к полу. Стэн вдруг перевёл взгляд на дверь, будто почувствовал моё присутствие. Его глаза расширились от ужаса, когда он увидел моё лицо. Он резко остановился, а лицо стало белым как мел.

Я больше не могла смотреть на эту сцену, я развернулась и расстроено захлопнула дверь. И бросилась бежать по коридору.

Это отвратительно и неприлично. Так нельзя! Давать человеку надежду, а потом... Вот так обманывать! Я на что вообще рассчитывала? На то, что такой, как он, может всерьёз заинтересоваться странной девчонкой из приюта, которая разговаривает с птицами?

Слёзы уже жгли глаза, но я бежала дальше, не разбирая дороги. Внезапно чья-то сильная рука схватила меня за рукав и рванула назад. Я врезалась спиной в холодную стену, а надо мной навис А́ртур, его глаза горели в полумраке. Светлые волосы падали на лоб, губы были сжаты в тонкую линию. Он прижимал меня к стене одной рукой, другой всё ещё держал мой рукав так крепко, потому что знал что я могу убежать.

– Куда это ты несёшься, птичка? – тихо спросил он. Голос прозвучал вкрадчиво опасно.
– Ночью одна.

Я стояла, тяжело и прерывисто дыша, не отрывая взгляда от его лица. Сердце бешено колотилось, но теперь уже не от усталости после бега, а от холодного, липкого страха. Его глаза были словно рентгеном, проникающим в самую глубину души. Я осознавала: с этого момента всё пойдёт только по наклонной.

А́ртур наклонился ближе.

– Ты плачешь? – прошептал он, и в голосе скользнула тёмная, довольная нотка. – Что случилось, Кори? Расскажи своему волку.

– Оставь меня... – тихо выдохнула я, пытаюсь оттолкнуть его ладонями от груди. – Иначе я буду кричать!

А́ртур только нагло усмехнулся. Его палец скользнул по моей нижней губе, оставляя за собой горящую дорожку.

– Не шевелись, – прошептал он мне прямо в губы.

Ресницы, влажные от слёз, часто моргали, и капли дрожали на них. Затем я ощутила прикосновение его тёплых и мягких губ. Сердце забилося так сильно, что я испугалась, как бы оно не разорвалось. Меня охватила мелкая дрожь.

А́ртур прижался ближе. Одна его рука легла мне на талию, вторая осторожно, но властно обхватила щёку. Я совсем растерялась. Робко, и неумело ответила ему – просто шевельнула губами, пытаюсь угнаться за ним.

Он углубил поцелуй, врываясь в мой рот языком. Я едва успевала за его ритмом. Внутри всё перевернулось: бабочки, фейерверки, сладкое, будоражащее волнение, которого я никогда раньше не чувствовала, но очень мечтала об этом. Я забылась на секунду. На одну короткую, предательскую секунду. Я подалась вперёд и впервые сама положила руки ему на плечи. Встала на носочки. Его ладонь с талии медленно поднялась выше... И слегка сжала мою грудь поверх тонкой ткани платья.

Я внезапно задержала дыхание и отпрянула. От неожиданности глаза широко раскрылись.

А́ртур посмотрел на меня тёмным, жадным взглядом полный вождления. Он медленно наклонился и поцеловал меня в щёку, затем его горячие губы скользнули ниже к шее. Кожа после его поцелуев горела, а ноги у меня подкашивались, дыхание стало частым и прерывистым, а внизу живота сладко потянуло. Ощущение было совершенно не знакомым для меня, но хотелось большего.

Он снова вернулся к моим губам.

Нет.

Нет-нет-нет.

Только не он.

Я со всей силы оттолкнула его обеими руками и попятилась, отчаянно качая головой.

– Нет... Только не ты... – шептала я, задыхаясь. – Ты забрал мой первый поцелуй...
ТОЛЬКО НЕ ТЫ!

А́ртур не стал меня удерживать. Просто откинулся спиной на стену и тихо рассмеялся, довольным смехом. Губы у него были красные, и припухшие. Он прикусил нижнюю, глядя на меня так, будто я была самым вкусным, что он когда-либо пробовал.

– Это только начало, птичка, – прошептал он.

Я развернулась и побежала. Коридор летел мимо меня размытыми тенями. Слезы уже не сдерживались, они текли по щекам горячими дорожками. Я бежала так, будто за мной гнался не А́ртур, а вся моя жизнь, которая только что треснула по швам.

Он забрал мой первый поцелуй. Мой. Первый. Поцелуй. И самое страшное – мне это очень сильно понравилось.

Глава 10. Кори

Вода забирает тяжесть, оставляя только лёгкость и тихую, прозрачную свободу.

Пять лет назад

Я живу здесь уже целый год. Целый год я просто существую как заточенный призрак в каменных стенах, которого никто не замечает. Единственное, что ещё держит меня на плаву, редкие минуты у озера. Сегодня я снова одна. К нам привезли новую девочку по имени Мелани. Красивая, громкая, и с острым языком. У неё моментально появилась целая свита, а мальчишки начали кружить вокруг, как вороны.

Я хотела подойти, сказать хоть слово...

Но она толкнула меня так, что я едва устояла на ногах.

– Не лезь ко мне конченная, – прошипела она и отвернулась, будто я никто и ничего не стою в этой жизни.

Поэтому сейчас я сижу на самом краю озера, ем кислое яблоко и смотрю, как по чёрной воде скользят утки. Каждый кусочек, который я отламываю и бросаю, падает с тяжёлым плеском. Птицы ныряют, окуная головы по самую шею, и жадно хватают лакомство. Их движения такие живые, такие свободные, что я невольно улыбаюсь впервые за много дней. Красная лента соскальзывает с моих волос, ветер подхватывает пряди и разбрасывает их по спине спутанными волнами.

Сзади раздаётся знакомый, режущий смех троицы. Они всегда возникают именно там, где я пытаюсь спрятаться. Как будто чувствуют запах моей слабости.

Я не оборачиваюсь. Просто сажусь поудобнее на траву и продолжаю грызть яблоко, будто меня здесь нет. Будто если я замру, они пройдут мимо.

– Ебанана снова с птицами разговаривает? – орёт Хантер, и голос его звенит злобой.

Я продолжаю молчать. В голове вспыхивает яркая, жестокая картинка: как он спотыкается, нелепо машет руками и с визгом летит в холодную воду.

Было бы очень смешно.

Они подходят ближе. Я чувствую три тени за своей спиной, от которых воздух становится густым и тяжёлым, как перед дождем. Сижу неподвижно, только хруст яблока режет тишину.

– Не-ма-аяаяя, – тянет Хантер с гадкой ухмылкой. – У тебя в башке, наверное, полная дребедень, да? Или ты с утками секретами делишься, психопатка?

Я медленно поворачиваю к нему голову. Сероглазый мальчишка смотрит на меня с такой ненавистью, будто я лично украли у него весь свет в его жизни.

Почему? Что я ему сделала? Просто существую?

Артур стоит чуть в стороне. Его глаза сверлят меня насквозь. Он вдруг резко и сильно толкает Хантера в плечо, без предупреждения. Тот не успевает удержаться и летит вперёд, размахивая руками, точно ошалевший индюк. Вода принимает его с громким, и противным всплеском.

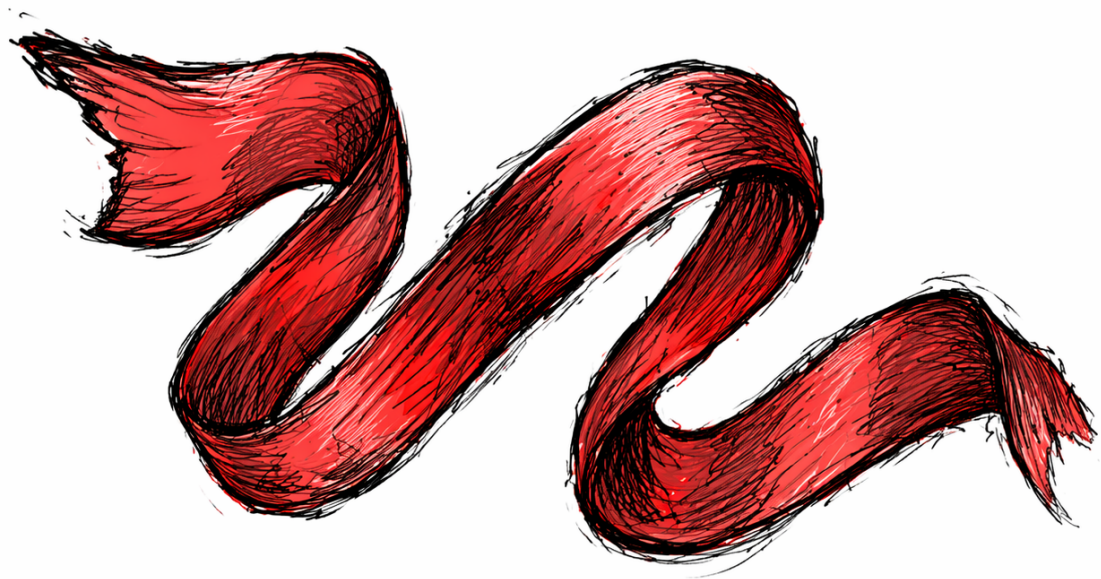
Я не удерживаюсь, начинаю хохотать громко и искренне. Смех вырывается из меня, как будто кто-то внутри наконец-то сорвал цепь. Я даже не пытаюсь остановить его. Он бурлит, дрожит в груди, заставляет плечи трястись.

Но смех обрывается так же резко, как начался.

Артур смотрит на меня тяжёлым взглядом полный чистого, ледяного отвращения. Чёрные глаза как два бездонных колодца, в которых тонет абсолютно всё живое в мире. Там нет ни капли тепла, там живет лишь тьма, которая обещает: «Я тебя запомню, и однажды ты за это заплатишь».

Я резко вскакиваю, роняя яблоко в траву. Ноги мгновенно начинают дрожать. Трясущимися руками я отряхиваю платье и почти бегом ухожу по берегу, лишь бы подальше от этого взгляда. Сердце колотится так, будто хочет вырваться из груди. В ушах звенит. А за спиной уже раздаётся яростная возня: Хантер орёт, мокрый и злой, сцепившись с Артуром. Кен лениво кидает камни в воду, словно всё происходящее – просто скучное шоу.

Я не оборачиваюсь. Красная лента трепещет на ветру, как раненая птица. А в груди что-то настойчиво пульсирует, незнакомое мне чувство, но я бы очень хотела его понять.

Глава 11. Кори

Ей безумно хотелось понять это чувство, которое она уже не могла отрицать. Оно жило в ней годами – тихое и настойчивое, как старый иррационализм, что поет в тишине и не даёт забыть.

Я не спала. Просто сидела на краю кровати, обхватив колени руками, и смотрела в одну точку на стене.

Мне страшно. Страшно не от того, что Артур меня поцеловал. Страшно от того, что мне понравилось. Его губы были горячими, жёсткими и в то же время неожиданно мягкими. А внутри меня что-то щёлкнуло и раскрылось. Таких эмоций я не испытывала, наверное, никогда. Сколько ни пыталась сравнить с чем-то прежним – не получалось. Это было совсем другое.

Хотелось повторить, и одновременно хотелось залезть под одеяло с головой и никогда оттуда не вылезать.

Мысли о Стэне тоже никуда не делись, но теперь к ним примешивалось гадкое, липкое отвращение к нему.

Как быстро всё перевернулось за два дня. За два чертовых дня моя жизнь снова разлетелась на осколки, только теперь я сама не понимала, где правда, а где очередная ловушка. Что вы бы мне посоветовали читатели? Что вы бы сделали?

Я провела ладонями по платью. Это уже не висело на мне мешком, оно чуть приталенное, по фигуре, длиной чуть ниже колена. Коричневые туфли начищены до зеркального блеска, белые носочки. Волосы я собрала в высокий хвост и завязала лентой. Я всегда так делаю, как будто я настоящая принцесса, у которой есть хоть что-то красивое. Сегодня лента синяя, мне их приносит повариха Анна. У неё целая коробка, там разноцветные и шёлковые.

Она знает, как я их люблю. Знает, что каждая лента для меня маленькое знамение. Синяя, как-то тёплое португальское море в день, когда мы в последний раз были вместе. Она, как небо перед бурей, когда буревестники режут крыльями волны и не боятся ничего. Как цвет надежды, которой у меня почти не осталось... И всё-таки она ещё теплится где-то глубоко-глубоко внутри. Маленькая, упрямая точка света в этой серой каменной гробнице.

Я подошла к треснувшему зеркалу над умывальником и посмотрела на себя. Бледная с огромными бирюзовыми глазами, как-то самое море. Щёки чуть розовые от стыда и воспоминания о губах Артура. Я провела пальцами по нижней губе, будто всё ещё чувствовала на ней чужое тепло, его тепло.

– Держись, птичка, – прошептала я едва слышно.

Я шла быстро, почти бежала, глядя строго в пол. Ни на кого не поднимала глаз. Здравовалась вполголоса, едва разжимая губы, лишь бы не останавливаться. Коридор тянулся бесконечно, серые стены давили на плечи. Сердце колотилось где-то в горле, а в голове всё ещё крутился вчерашний горячий поцелуй Артура, до умопомрачения приятный.

Я толкнула дверь столовой и вошла. И сразу замерла. На моём обычном месте, в дальнем углу, где я всегда сидела одна, развалился Стэн. Он облокотился на спинку скамьи, словно уже давно ждал, и смотрел прямо на меня своим тёплым взглядом, только теперь от этого тепла мне стало тошно.

Отторжение. Оно мерзкое, вязкое, как вчерашний гороховый суп. Он подарил мне маленькую надежду, а потом безжалостно отнял её. Я ведь не такая уж и наивная.

Пальцы сами собой вцепились в ткань платья на талии, мяли её, будто могли выжать из меня всю эту боль и неприязнь. Я огляделась, свободные места были только рядом с Хантером. Он уже повернул голову и смотрел на меня со злой ухмылкой. Артур сидел чуть поодаль, откинувшись на стуле, и наблюдал за мной с насмешливой ленцой. Глаза блестели, как будто он уже знал, чем всё закончится.

Господи, что происходит? Я ничего не понимаю...

– Ты чего встала? – раздался вдруг бодрый голос мисс Оливии. Она остановилась рядом и улыбнулась мне так широко, что я почувствовала, как меня стошнит прямо сейчас на её идеальную белую блузу.

Фу. На неё я теперь тоже не могу смотреть.

– Я... я... Ну...

– Место не можешь найти, милая? – Она приобняла меня за плечи горячей, слишком душистой рукой и мягко повела вперёд.

Я перевела взгляд на Стэна. Он устало провёл ладонью по лицу, будто и сам не знал, что делать.

– Садись возле Хантера, там же свободно, – сказала мисс Оливия весело и уже подталкивала меня к скамье.

– Но... Яя...

Она не слушала. Просто спокойно усадила меня, как будто я была маленькой девочкой, не способной самостоятельно выбрать стул.

– Мальчики, что вы развалились? Даму пустите, Кори у нас стеснительная девочка!
Я напряглась всем телом. В непосредственной близости ощущалось тепло от ноги Хантера. Никогда прежде я не сидела так близко к нему.

– Да мы ничего, пусть сидит, конечно, – проговорил Хантер с притворно-доброй улыбкой.
Я схватила стакан с чаем и выпила его залпом. Горячая жидкость обожгла горло, но я даже не поморщилась, лишь бы занять руки и не смотреть на них.

Мисс Оливия наконец ушла.

Хантер повернулся ко мне всем корпусом. Усмешка стала ядовитой, наполненной отвращением ко мне. Он наклонился так близко, что его дыхание обожгло мне ухо.

– Тебя толкнуть? Или сама свалишь нахуй, ебаная шиза?

Ужасный, отвратительный, глупый, невыносимый грубиян!

Я повернулась к нему всем телом. Сердце колотилось так бешено, что в груди стало тесно и горячо, но голос прозвучал неожиданно чётко и жёстко:

– Отвали от меня! Я сама тебя толкну! Понятно?

Он сжал челюсть, а глаза превратились в узкие щёлки. Я видела, как его взгляд медленно скользнул по моему лицу от ленты в волосах до губ, потом вернулся к глазам. Будто оценивал куда ударить или за что схватить.

– Всё в порядке, Кори? – спросил вдруг Стэн, облокотившись на стол и глядя на меня с заботой, от которой меня снова дико затошнило.

Я подняла на него хмурый взгляд.

Как они меня все достали. Хочу выйти. Просто выйти отсюда и никогда не возвращаться.

– Да, – буркнула я, откусила большой кусок панкейка и уставилась в тарелку, игнорируя все их взгляды.

Сегодня выходной. Я вылетела из столовой так быстро, будто за мной гналась вся свора. Ела, почти не жуя, только чтобы не сидеть там ни секунды лишней. Все пялились, как на зверя в зоопарке: кто с любопытством, кто с ухмылкой, кто вообще не скрывал брезгливости. Даже те, кто обычно меня не замечал, сегодня вдруг нашли меня интересной.

Многие уехали в город, и воспитатели, и половина старших. Я, конечно, отказалась.

– В следующий раз, – пробормотала я Гризельде, хотя знала, что никакого следующего раза не будет.

Мне нужно было просто исчезнуть.

На удивление сегодня очень тепло. Обычно в это время уже моросит, а сегодня солнце приятно греет кожу, будто решило подарить мне хотя бы один нормальный день. Я остановилась у старого озера и заметила белый камень с тёмными крапинками, он лежал прямо у кромки воды, гладкий и тёплый от солнца. Подняла его, покрутила в пальцах. Такие мелочи всегда меня спасали: небольшая точка опоры, помогающая удержаться на плаву среди чужих мнений.

Хотя бы один день без них. Без шёпота, без смеха, без чёрных, красивых глаз Артура, которые следят за мной даже когда его нет рядом. Просто день, когда я – это я.

– Кори!

Слишком знакомый голос ударил в спину.

О нет.

Я остановилась, но не сразу обернулась.

На самом деле я уже не видела смысла разговаривать. Мы не были никем друг другу. Он имел полное право спать с кем угодно – с учительницей, или любой другой. Просто зачем тогда всё это? Зачем шоколадка, зачем записка, зачем «у тебя красивые глаза»?

Я медленно перевела взгляд в ту сторону, откуда он приближался. Стэн был одет в синюю толстовку и обычные серые спортивные штаны. Ветер играл с его каштановыми волосами, придавая им ещё большую растрёпанность.

Он выглядел... Обычным. Живым и не таким, каким я его себе придумала в фантазиях.

– Блин, ты... Господи... – он провёл ладонью по лицу, будто пытался стереть вчерашнее. – Я понимаю, ты не должна была это видеть. Я сам... Я даже не понял, что произошло, если честно. Прежде чем всё это случилось, я...

Я поражена. Он ещё и оправдывается?

– Я не хочу общаться, – быстро отрезала я и уже хотела уйти, как всегда.

– Кори, да подожди... Я не хотел, понимаешь?

Я удивленно подняла брови, и меня словно прорвало. Впервые за много лет я не удержала слова внутри себя, они сами вырвались наружу.

– Ты дал мне надежду, пусть маленькую. Для тебя, может, это и ничего не значило. А для девушки из приюта, которую все считают чокнутой, значило. Ты видел, как ко мне относятся мои сверстники. Ты видел и всё равно дал мне внимание! А потом я захожу в кабинет и вижу, как ты совокупаешься с моей учительницей на столе! И теперь я должна стоять здесь и слушать «я не хотел»? Это настолько омерзительно, что я даже в глаза тебе смотреть не могу!

Он резко обхватил мои щёки ладонями, а я мгновенно замолчала от шока. Его ладони оказались неожиданно тёплыми и гладкими.

– Прости, – выдохнул он. – Я не могу объяснить, но догадываюсь, что произошло. Я не давал тебе ложной надежды! Клянусь! Я бы никогда так не сделал!

Зачем он за мной бежит? Зачем всё это? Глупо и нелепо.

Он наклонился ближе. Так близко, что я почувствовала его неровное дыхание на своих губах.

– Я хочу тебя поцеловать. Ты мне позволишь? – прошептал он.

Слова застряли у меня в горле.

Вчера меня целовал Артур. А теперь Стэн? Нет. Нет-нет-нет.

Где-то далеко за деревьями послышались голоса троих. Низкий, раскатистый смех Хантера, короткий ответ Кена... И тишина. Артур молчал. Но я точно знала, что он там. Стоит и смотрит.

Я резко отстранилась.

– Нельзя, – сказала я прямо.

Я ускорила шаг, не оборачиваясь. Внутри меня бушевала тревога. Сердце бешено колотилось, отдаваясь в висках. Камень всё ещё был в моей руке, и я сжала его крепче, пытаясь передать ему все что у меня творилось внутри.

Глава 12. Кори

Она одинокая звезда, что светит ярче всех среди бесчисленных одинаковых огней.

Я просидела у озера до самого вечера. Сначала лежала в полянке среди полевых цветов, перебирая тёплые бархатистые лепестки пальцами и улыбаясь им, как старым друзьям. Потом залезла на дерево – туда, где точно никто не увидит, и болталась вниз головой на толстой ветке, болтая с птицами. Спрашивала, где они сегодня летали, что видели за горизонтом. Сочиняла на ходу тихие песни и пела их шёпотом, пока ветер уносил слова. Камешек я решила оставить как новый трофей, для моей коробочки сокровищ.

Когда солнце уже почти утонуло за деревьями, я наконец слезла и пошла обратно, придумывая в голове диалоги, как всегда:

«– Нет, ты слышал, что он сказал?»

– Да, Кори, это просто умора...»

Возможно, я правда ненормальная. Но я так делала всю жизнь. Даже с родителями.

– Давай быстрее! – рявкнул вдруг резкий голос. – Где ты шлялась? Тебя все потеряли!

Я замерла.

Он пришёл за мной?

Я медленно подняла голову. Артур стоял один, с выражением лица, будто я ему должна каждую секунду своей жизни. Я хотела пройти мимо, но он больно схватил меня за руку.

– Я видел вас. Что он тебе говорил? – зашипел Артур мне в самое лицо, наклоняясь так близко, что я почувствовала запах сигарет, мяты и его горячее дыхание.

Я грубо выдернула руку и толкнула его в грудь.

– Отстань от меня! Что вы все ко мне лезете все эти годы?! Оставьте меня в покое, Артур! Какая разница, что он говорил? Ничего!

Голос дрогнул, а слёзы уже накатились на мои глаза.

– Нет, не отстану, – прорычал он и шагнул ещё ближе, брови свелись в одну линию, а глаза загорели злостью. – Пока не ответишь!

Сердце стучало так часто, что в ушах стоял гул. Внутри что-то надломилось, волна жара прокатилась по телу, став невыносимой. Внизу живота разливалась сладкая тяжесть, которая тянула меня вперёд, не оставляя выбора. Не в силах больше сдерживаться, я подалась сама навстречу и поцеловала его жадно с полным отчаянием.

На долю секунды Артур замер, будто не осознавая, что происходит. А затем будто взорвался энергией: резко прижал меня спиной к стволу дерева, кора ощутимо впилась в лопатки. Он прижался ко мне всем своим горячим телом, так плотно, что я почти потеряла опору под ногами.

Его поцелуй был резким, дерзким. Он целовал меня порывисто, с какой-то необузданной жадой: слегка покусывал губы, втягивал их, а потом углублял поцелуй – властно, требовательно, будто хотел вобрать в себя всё, что во мне есть. Я задыхалась от этой силы, но отвечала так же отчаянно: неумело, зато всем сердцем. Пальцы вцепились в его шею, я прильнула к нему всем телом, будто боялась, что мгновение исчезнет, а он уйдёт.

Он подхватил меня под бёдра, прижал к стволу сильнее и резко задрал моё платье. Его ладонь грубо, и властно легла мне на грудь, сжала и большим пальцем он провёл по соску. Я выгнулась и застонав ему в рот – тихо, но громко для самой себя.

Никто никогда меня так не трогал. Никто.

Артур оторвался на секунду, тяжело дыша, и посмотрел на меня сверху вниз. Ветер трепал его белые волосы, губы были мокрые и припухшие. Глаза были наполнены развратом и похотью, как в тех книгах, после которых я стояла на коленях возле кровати и просила прощения у бога, что я читала их.

– Что он тебе говорил? – выдохнул он мне в губы и сразу снова впился в них, не давая ответить.

Поцелуй стал ещё глубже, ещё грязнее, как в моих самых глубоких ночных фантазиях. Он прижимался ко мне бёдрами, я чувствовала, как его эрекция утыкается в мой живот, как ему хочется меня прямо здесь. Его рука скользнула ниже, под платье, обхватила ягодицу и

сильно сжала, притягивая меня к себе ещё ближе. Я задышалась, цеплялась за его плечи, ногти впивались в ткань футболки. Внутри всё горело и жаждало его полностью.

Я хотела ещё. Хотела, чтобы он не останавливался. Хотела, чтобы он меня поглотил.

– Кори отвечай, – прошептал он мне в губы, целуя их снова и снова, коротко, с жадностью, чмокая и покусывая.

Я открыла глаза. Дышала часто, прерывисто, вся дрожала от возбуждения.

– Я... Ничего... – выдохнула я едва слышно.

– Врёшь, – он кровожадно куснул меня за нижнюю губу, потом за щёку, потом снова вернулся к губам. – Говори же, птичка.

Я слотнула.

– Ты... – голос сорвался. – Ты не подходи ко мне никогда больше, Артур! Ты всё испортил снова!

Я попыталась оттолкнуть его, но он не отпускал. Продолжал сильно прижиматься ко мне, одной рукой удерживая меня за талию, а другой запуская пальцы мне в волосы и резко потянув за них, заставляя запрокинуть мою голову.

– Я? – выдохнул он мне прямо в открытый рот. – Я ничего не испортил, птичка. Я только начал.

– Он и... Мисс Оливия занимались любовью в кабинете, – выдохнула я наконец, слова вырывались рвано, будто я боялась, что они застрянут. – И я... Я... Я увидела. Он... Он потом извинялся...

Артур медленно улыбнулся. Уголки губ приподнялись, но в улыбке не было ни капли тепла, только его привычная тьма и торжествующее удовлетворение.

– Только попробуй подпустить его ещё раз так близко. Коснуться тебя. – Его голос стал ниже. – Я видел всё. Он хотел твои губы, птичка. Но они мои, и целовать их буду только я.

– Ты мне никто, – прошипела я, но губы уже снова предательски тянулись к его губам, будто мое тело уже не слушалось меня.

Он резко сжал мои волосы в кулаке, запрокидывая голову ещё сильнее.

– Ты была моей с того момента, как прошла через порог, Кори.

– Нет! – крикнула я, хотя голос сорвался в стон. – Ты отвратительный, грубый, ужасный и невыносимый человек! У тебя есть девушка! Ты меня мараешь! Грех!

Губы Артура растянулись в ехидной усмешке. Он сильнее потянул меня за волосы. Я выгнулась, и из горла вырвался ещё один нежеланный стон.

– Мараю? – Он наклонился так близко, что его губы касались моих и наше дыхание стало общим. – Поверь, чистая ты наша, я тебя ещё не так замараю. Могу прямо сейчас, монашка.

Он резко дёрнул мою голову назад, обнажая шею, и впился губами чуть ниже уха – влажно всасывая кожу. Я застонала уже громче. Его вторая рука медленно, и собственнически скользнула вниз вдоль моего тела, задирая подол платья. Кончики пальцев прошлись по животу доходя до края трусиков, но не заходя внутрь, только обещая. У меня начался легкий мандраж, ноги ели держали меня.

– Ты себя трогаешь? – прошептал он. – Ночью, в своей комнате... Думаешь обо мне?

Я ошарашенно смотрела на него широко распахнутыми глазами и импульсивно, испуганно замотала головой.

– Хочешь, я тебе покажу, как это должно быть по-настоящему, как трогать себя? Хочешь, я доведу тебя до охуенного оргазма, что ты отдашься мне прямо тут, птичка?

Он снова глубоко поцеловал меня с языком, зубами, всем телом вдавливая меня в дерево. Рука под платьем продолжала дразнить, пальцы скользили по самой кромке ткани, касаясь, но не давая никакого облегчения. Я дрожала так сильно, что зубы начали стучать. Хотела оттолкнуть, и одновременно хотела, чтобы он не останавливался. Чтобы он зашел дальше, намного дальше...

– Кори! Артур! Вы где?! – раздался вдруг звонкий, и строгий голос мисс Гризельды. Я увидела, как вдалеке мелькнуло её пальто, развевающееся на ветру. Она уже шла к нам.

Артур на мгновение отстранился, тяжело дыша, его губы были влажными, а глаза всё ещё пылали. Однако он не отпустил меня. Его руки всё ещё находились под моим платьем, касаясь самого чувствительного места.

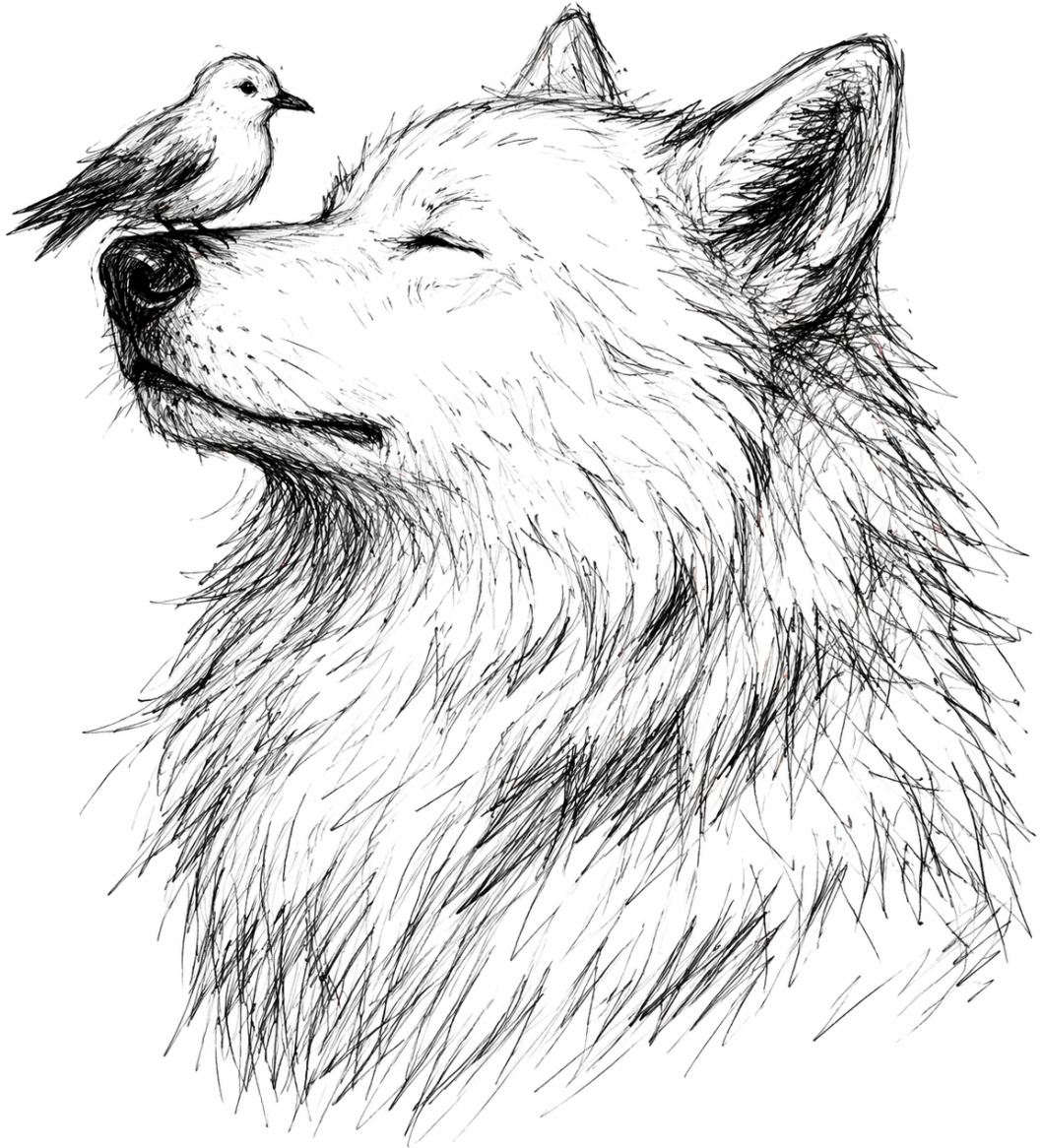
Он склонился к моему уху и, понизив голос, прошептал так тихо, чтобы только я могла услышать:

– Это ещё не конец, птичка. Вечером в душевой, и, если попробуешь спрятаться я найду тебя. И тогда уже точно не остановлюсь.

Он резко убрал руку, одёрнул моё платье и сделал шаг назад – идеально спокойный, будто ничего не произошло. Только на губах осталась мрачная ухмылка.

Глава 13. Артур

*Её здесь вообще не должно было быть никогда. Она ошибка. Сбой.
Мое проклятие.*

Шесть лет назад

Стэн, сын Гризельды, уехал учиться в другой город. Ему было пятнадцать, но он всегда был вундеркиндом, поступил в элитную школу, где таким, как мы, даже воздухом дышать не полагалось. Мы с ним когда-то были настоящими друзьями, а потом он исчез, и приют стал ещё более серым и мёртвым без него.

Вместо него привезли её. Я стоял в тени, за плечом Хантера, и не мог отвести от неё глаз. Маленькая, худая, а темные волосы разлетались на ветру, будто сами хотели улететь. Она не смотрела на нас. Она смотрела вверх на далёкую чёрную точку в небе, на птицу. Я тоже посмотрел туда, потом обратно на неё. Она улыбалась, и в этот момент что-то внутри меня расцвело и одновременно разбилось.

– Она чокнутая, я сразу вижу, – шепнул Хантер мне на ухо.

С чего он взял? Из-за того, что она смотрит на птицу?

Я не ответил, потому что уже не мог перестать смотреть на неё.

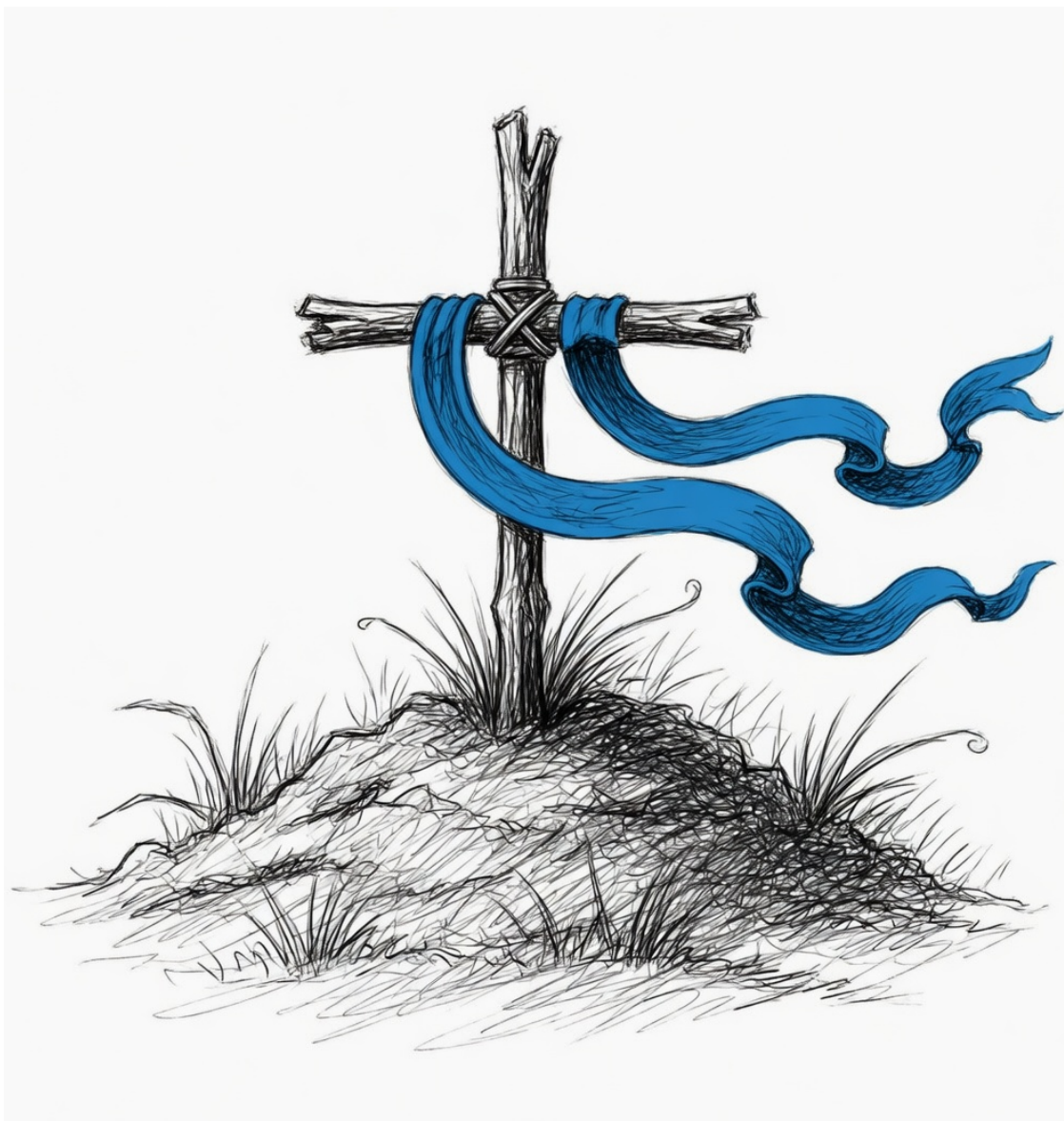
С того дня я начал наблюдать за ней одержимо из каждого угла, и из каждой тени. Она забиралась на дерево и болталась вниз головой, улыбаясь так, будто весь этот проклятый мир вдруг стал правильным. Разговаривала с птицами. Спрашивала их, где они были, что видели. Все вокруг ржали и обзывали её психопаткой.

Я не мог оторваться. Её неординарность была единственным живым в этом каменном склепе. Она светилась, дышала жизнью, и я ненавидел её за это. Так сильно, что каждый раз, когда она оказывалась рядом, у меня сжимались зубы.

Однажды Хантер начал подозревать, что она мне нравится. Чтобы заткнуть его и доказать самому себе, что это ложь, я застрелил птицу, которую она выхаживала несколько дней. Маленькую, раненую. Кори каждый день тайком носила ей еду, поила из пипетки, шептала над коробкой, будто та могла её понять.

Я сделал стрелу, прицелился и выстрелил. А потом сел у дерева и начал точить новые, просто чтобы руки не дрожали. Когда она вышла в сад и увидела мёртвое тельце, я смотрел на неё не моргая. Она медленно опустилась на колени. Не закричала. Не заорала. Просто взяла птицу в ладони и тихо, беззвучно заплакала, почти благоговейно, как ангел. Слезы катились по её щекам, а она всё гладила перья, будто всё ещё надеялась, что та оживёт.

В тот момент меня вывернуло наизнанку, мне стало так противно от самого себя, что я хотел воткнуть эту стрелу уже не в птицу, а в свою собственную грудь. Чтобы вырвать то, что она во мне разбудила. Чтобы перестать чувствовать эту мерзкую, тёплую, тянущую боль в рёбрах каждый раз, когда она проходила мимо. Я наблюдал, как она хоронила птицу. Вырыла ямку голыми руками и положила её туда. Сделала маленький крестик из веток и привязала к нему свою синюю ленту – ту самую, что иногда носила в волосах.

Любая другая девчонка прошла бы мимо, или устроила бы истерику на весь приют.
Но не Кори. Не эта маленькая птичка.

Настоящее

Я хочу, чтобы он исчез навсегда. Ебанный Стэн, который все портит. Он позарился на то, что уже шесть лет принадлежит мне, и всегда будет моим.

Кори сидит на своём месте в углу столовой, ковыряет котлету вилкой и смотрит в тарелку. Губы шевелятся едва заметно, беззвучно. Я знаю, что она делает. Она снова улетела в свою голову, придумывает очередной разговор с птицами или с воображаемой версией себя, которая не боится ничего. Я изучил её на сто процентов, каждую ее привычку и дрожь ресниц. Каждую мысль, которую она прячет за этими бирюзовыми глазами.

А он смотрит на неё.

Я сделал это специально. Подсыпал ему виагру вчера. Знал, что он не тронет Кори – слишком правильный, слишком «воспитанный» для этого.

Но когда у тебя член стоит колом и разрывает изнутри, сложно сдержаться, верно?

А в кабинете химии я знал, что останется только мисс Оливия. Я подкинул Кори записку. Хотел, чтобы она увидела.

Пусть думает, что он урод, который ссыт ей в уши. Он и есть урод, потому что я не дам ему её забрать.

Самое болезненное – это то, как она смотрит на него. Ни на меня. Ни на кого другого она так не смотрит. Этот взгляд просто разрывает меня изнутри. Она смотрит на него по-настоящему, как на парня. А я хочу, чтобы она так же смотрела именно на меня.

Тот поцелуй до сих пор обжигает мои губы. Руки до сих пор горят в тех местах, где я касался её, а внутри всё польхает.

Я хочу её. Хочу всю. Хочу оказаться внутри неё так глубоко, чтобы она забыла, как дышать без меня. Хочу слышать те стоны, о которых я мечтал с шестнадцати.

Мелани наклоняется и обвивает мою руку своими мягкими пальцами.

Я планирую порвать с ней в ближайшие дни. Она была лишь тем, на ком я вымещал всю страсть и всё желание к другой девчонке – той, которая бесит меня и притягивает, как магнит. После того как я попробовал Кори, я уже не могу остановиться. Хочется завыть от дикого, животного голода. От желания выебать ее, от желания трахать и трахать ее, пока, блять, у меня мышцы не сведёт.

– Ты какой-то напряжённый, – шепчет она мне в ухо, проводя ноготком по моей ладони.

Ещё бы. Я был готов трахнуть Кори прямо там, у дерева. Этот её невинный испуганный взгляд, и в то же время глаза, полные бешеной, похотливой страсти... Они сводят меня с ума.

Я резко выдергиваю руку и поворачиваюсь к ней. Голос выходит злым, почти рычащий:

– Заткни свою ебаную пасть, Мелани.

Она моргает, явно не ожидав такой жёсткости. Но я не смягчаюсь, наклоняюсь ещё ближе, почти касаясь губами её уха, и цежу сквозь зубы:

– Иди нахуй со своими шёпотами и своими сучьими ласками. Я сейчас не в настроении терпеть твою мокрую пизду рядом. Пошла вон.

Мелани отшатывается, на ее лице приступает смесь шока, обиды и злости. Глаза моментально наполняются слезами.

Мне похуй, пусть плачет и бесится. Пусть уебывает куда подальше.

Я снова перевожу взгляд на Кори. Она всё ещё ковыряет котлету, но я вижу, как чуть дрожат её пальцы. Она чувствует, что я смотрю. Всегда чувствует.

Это самое сладкое, что есть в моей жизни, после нее самой.

Глава 14. Кори

Любовь проверяется не в неволе, а в моменте, когда ты открываешь ладонь... и ждёшь.

Я не пойду. Никуда. Он что, совсем рехнулся?!

Сердце колотится так, будто хочет вырваться из груди и улететь.

Что с ним происходит? Почему он меня целует? Почему я до сих пор чувствую на губах его жар, а внизу живота эту невыносимую, предательскую тягу? Он... Он был возбуждён. Я это чувствовала. Я ему нравлюсь? Нет-нет-нет. Это смешно. Это просто невозможно!!!

Артур Атама – человек, который шесть лет смотрел на меня так, будто я самое отвратительное что здесь есть. Как на чокнутую птицу, которая случайно залетела в клетку и теперь мешает всем дышать. Как и все его друзья. Как, наверное, и Стэн.

Если честно... Мне уже всё равно, что они обо мне думают. Но Артур... Он теперь другой. От этого мне одновременно страшно и так лихорадочно, что хочется кричать.

Весь ужин я просидела как в тумане. Такую необузданную страсть я видела только в тех романтических фильмах, которые тайком подсматривала у мисс Гризельды по ночам, не в силах оторвать глаз.

Он хочет меня по-настоящему? Хочет заняться со мной любовью?

Часть меня до сих пор дрожит от его рук, хочет этого так сильно, что внутри всё сжимается и трепещет. А другая часть кричит:

Ты сошла с ума! Это же Артур! Тот самый Артур, который всю жизнь тебя презирал! Это грех КОРИ!

Это ощущение для меня совершенно новое. Кажется, будто меня поразила молния, и внутри меня пробудилось электричество, после чего вспыхнул ослепительно яркий свет.

Я забралась в сад, спряталась за старым раскидистым деревом. Яблоко хрустит на зубах, но вкуса я не чувствую. Пальцы нервно ковыряют кору отдирают тонкие полоски, будто пытаются содрать с себя эту странную, пугающую тягу к нему.

По саду разнеслись размеренные шаги. Я замерла на месте. Яблоко так и повисло в воздухе у самых моих губ, так и не дойдя до рта.

– Кори, я знаю, что ты здесь, – доброжелательно произносит он. – Выходи, я не собираюсь больше тратить время.

Горло внезапно пересохло. Я осторожно положила огрызок яблока на землю, чтобы угостить муравьёв. Руки так тряслись, что я едва не уронила его.

Я не собираюсь идти. Мне тревожно и страшно. Однако в то же время меня непреодолимо влечёт к нему, словно внутри меня разрывается невидимая цепь. Это влечение настолько сильное, что всё моё тело начинает дрожать. Это приводит меня в бешенство, доводя до слёз.

– Кори.

Он приближается, а трава хрустит под его массивными ботинками. В ту же секунду, как его тень падает на меня, я срываюсь с места и несусь в противоположную сторону так быстро, как только могу. Ноги сами несут меня по коридорам. Его шагов я уже не слышу. Останавливаюсь посреди коридора, между двумя дверями, и тяжело, рвано дышу.

Я сама не понимаю, от чего мне так страшно: от него или от того, что я хочу к нему бежать, а не убежать.

Вбегаю в кабинет математики и, оглянувшись, вижу, что он пуст. Прижимаюсь к стене, пытаюсь успокоиться. Вдруг слышу шаги у двери, быстро сажусь на пол за первой партой и обхватываю колени руками. Закрываю рот, чтобы не издать ни звука.

– Я хочу поговорить с тобой, – говорит Стэн нервно.

– А я не хочу, – кричит Артур, и они оба входят в кабинет.

Я сильнее сжимаю рот, уже второй рукой чтобы не всхлипнуть.

– Что с тобой стало? Мы же дружили, – голос Стэна звучит растерянно.

– Это было до того, как ты уехал. Сейчас всё иначе.

– Артур, ты же понимаешь, что иначе и быть не могло?

– Да мне похуй, если честно, – спокойно отвечает Артур. Он подходит прямо к парте, за которой я прячусь, и опирается спиной о стену надо мной. Я поднимаю на него испуганные, мокрые от слёз глаза. Уголок его рта едва заметно дёргается.

Он видит меня.

– Та девочка... Что с ней? Я только это хочу узнать, – спрашивает Стэн.

– По-твоему, с ней что-то не так? – Артур саркастически усмехается.

– Она мне нравится, я хочу знать о ней. Когда я здесь был в последний раз, её ещё не было.

– А с чего ты взял, что она хочет тебя?

– С того, что я вижу, как она смотрит, – Стэн делает шаг ближе, но Артур резко вытягивает руку и отталкивает его, чтобы тот не заметил меня. – Это очевидно, симпатия. Так что... Я вижу, что ты пытаешься всё испортить, Артур. Ничего не выйдет.

На лице Артура появляется злорадная улыбка.

– Не выйдет, говоришь? Ну я уже начал. Так что ты опоздал.

– О чём это ты?

– Ты же не маленький. Ебал Оливию. Не надо притворяться, будто не понимаешь.

Стэн замолкает.

– Я не верю тебе. Потому что она точно не спала с тобой!

– Да? И откуда ты знаешь?

– Она бы не выбрала тебя, и ты это знаешь, Артур, – бросает Стэн и выходит из класса, громко хлопнув дверью.

– Вылазь, – говорит он мне тихо.

Я будто приросла к парте. Ноги отказывались меня слушаться, руки крепко вцепились в край столешницы так, что пальцы свело от напряжения. Сердце бешено колотилось прямо в горле.

– Я сказал – вылазь нахуй! – уже кричит он.

Я с трудом поднимаюсь на ноги. По моим щекам текут горячие слёзы, оставляя солёные следы. Они падают на серое платье, образуя тёмные пятна, но я не пытаюсь их стереть. Он медленно поворачивает голову и смотрит прямо на меня. В его глазах пылает чистая, почти звериная ненависть, переплетённая с вожделением. От этого взгляда у меня подкашиваются ноги, а внутри всё сжимается от ужаса и возбуждения, которое я в себе презираю.

– Я что тебе, блять, сказал? М? Какого хуя ты прячешься, как ребёнок?!

Я начинаю пятиться, не отрывая от него взгляда. Слёзы всё текут и текут, мешая мне видеть. Он отрывается от стены и идёт медленно за мной, уверенным шагом.

– Кори, ты меня сейчас очень сильно бесишь. Я очень зол, потому что этот ебанный Стэн всё ещё питает надежду на тебя!

Я стремительно пересекла другой ряд парт. Внезапно я ощутила такую слабость, что грудь сдавило. На мгновение мне показалось, что у меня случится сердечный приступ, и я упаду прямо здесь, не в силах справиться с бурей эмоций.

Он начинает зловеще улыбаться, будто что-то промышляет.

– Ты боишься, что я тебя трахну? – Его голос становится ниже, еще страшнее. – Да я тебя трахну, Кори. Так что смысла бегать нет.

– Я не буду спать с тобой, – выдыхаю я, но голос срывается, предаёт меня. Слёзы душат уже до невозможности.

– Хм... И почему же? – Он проводит пальцами по подбородку, глядя на меня с насмешливой нежностью. – Однако сегодня у дерева ты совсем не была против. Ты хочешь меня, птичка. Ты вся дрожишь от одного моего взгляда, ты уже не справляешься, признай.

– Нет. Не хочу, – вырывается у меня шёпотом, но даже сама слышу, как лгу.

– А кого хочешь? Стэна?

Я замолкаю. Отступаю на шаг, потом ещё один. Меня охватывает ледяной, всепоглощающий страх. Но вместе с ним, вопреки всему, по моим венам разливается жгучий, постыдный адреналин. Он пробуждает во мне сильнейший импульс возбуждения. Это заставляет меня ненавидеть себя ещё больше. Чувствую, как кровь приливает к щекам, губы дрожат, а внутри всё скручивается в тугий узел. И всё равно я тянусь к нему, хотя разум кричит:

Беги!

Он цокает языком и тяжело вздыхает, будто я его разочаровала.

– Ответ неверный, Кори. Ты забыла, что я сделаю? Да я сделаю не только это... Много чего другого. И знаешь... – он делает шаг ближе, – я знаю кое-что очень интересное, о чём ты даже никогда бы не догадалась.

Я останавливаюсь, отдаваясь слезам.

– О чём ты? – шепчу я едва слышно.

Он подходит ко мне вплотную. Так близко, что тепло его тела достигает меня, а дыхание касается моей кожи. Он дышит неровно, с трудом, не сводя глаз с моего заплаканного лица. Кажется, он хочет запечатлеть в памяти каждую слезинку и каждую дрожащую ресничку.

– Хочется узнать, правда? – Он наклоняется к моим губам, касаясь их. Голос становится тише. – Только вот я нахрен ничего не расскажу... Пока не получу то, что мне надо.

– Ты хочешь, чтобы я продала тебе тело за правду? – выдыхаю я, хотя воздух уже почти не проходит в лёгкие. Слёзы душат меня. – Но я не буду знать, насколько она ценная. Я не тупая, Артур...

– Я не про тело. Мне нужно твоё сердце и душа, птичка. И правда будет равной ценой.

Я морщусь, пытаюсь отстраниться, но бедро уже упирается в парту.

– Нет... – Мой голос дрожит и ломается, когда я произношу это слово. Внутри всё смешалось, и я теряю ощущение реальности. Атмосфера между нами настолько напряжена, что кажется, будто воздух раскалился. Наши лица находятся в каких-то трёх сантиметрах друг от друга, и я ощущаю его тяжёлое дыхание на моих губах.

Его рука поднимается, большой палец почти невесомо касается моей нижней губы. Но уже в следующий миг он грубо вталкивает палец мне в рот. Я окаменеваю, не в силах пошевелиться. Глаза распахиваются шире от потрясения, а по телу прокатывается волна унижительного, обжигающего возбуждения. Ощущаю его палец во рту – горячий, шершавый, властно требующий подчинения. Он двигает им медленно, и размеренно, не отрывая взгляда, и вдруг я вижу, как он кусает свою губу, словно не в силах сдержать нарастающее желание в нём самом. Невольно слегка прикусываю его палец. Всего на мгновение, но он чувствует. Его глаза мгновенно темнеют ещё сильнее, грудь вздымается, будто желание рвётся наружу, ломая все преграды. Он наклоняется ещё ближе, касаясь моего уха губами, его шёпот пронизан тёмной, затаённой нежностью:

– Вот так, птичка... Чувствуешь? Это только начало. Я буду трахать не только твоё тело. Я буду трахать твою голову, твои сны, каждую твою мысль. Ты будешь просыпаться по ночам мокрой, дрожащей, выкрикивая моё имя в подушку. Ты будешь кончать от одной мысли обо мне, даже когда меня не будет рядом. А когда ты наконец сломаешься, и сама приползёшь ко мне, я возьму не только твоё сердце и душу. Я возьму тебя всю до последней капли. До самой глубины. И тогда я расскажу тебе, почему ты с самого первого дня, с той самой секунды, как вошла в этот приют, была обречена быть только моей навсегда.

Он резко вырывает палец из моего рта.

Во рту солёный вкус от его пальца. Я не могу даже сглотнуть. Артур толкает меня сильно плечом, будто я – вещь, которая мешает ему пройти. Я отшатываюсь, ударяюсь о парту и смотрю ему вслед. Он уходит, не оборачиваясь, а каждый его шаг отдаётся во мне ударом.

Я медленно сползаю на пол, обхватываю колени руками и впервые за всё время позволяю себе громко зарыдать.

Глава 15. Артур

*Она уже чувствовала – здесь тонет
не только тело, здесь тонет
душа...И обратной дороги больше не
существует.*

Мы едем в город вчетвером – я, Кен и Хантер. Четыре раза в неделю мы сбегает из этого каменного склепа, чтобы заработать деньги. Потому что мой мир – это дерьмо. Я приютский. Меня бросили у порога, когда мне было пять. Родители оставили меня, как ненужную вещь. Я плохо помню их лица. Только обрывки: крики, запах дешёвого алкоголя, мамин истеричный смех и папин тяжёлый кулак по столу. А потом тишина. Через два месяца после того, как мать бросила меня у дверей «Заботливые крылья», они оба умерли. Эвелин и Томас Атама были наркоманами и алкоголиками. Я нашёл свою папку в кабинете Гризельды – в том же ящике, где лежала и папка Кори. Читал и чувствовал только опустошенность.

– Ты готов? – спрашивает Хантер, когда мы уже почти у клуба.

Я не в духе. Слишком устал. Внутри кипит гнев из-за того, что Стэн влюбился в мою Кори. И хуже всего, что он, похоже, не без шансов: она и правда смотрит на него по-другому. Отрицать бессмысленно. Но теперь она смотрит и на меня тоже своими огромными бирюзовыми глазами, такими красивыми. Раньше такого не было. А теперь есть, и от этой мысли внутри всё теплеет.

– Готов, – сухо бросаю я.

Мы заходим в клуб. Это не просто клуб – это место моего заработка. Здесь я играю в покер. Выигрываю у богатых старых уродов, которые думают, что могут купить весь мир. Деньги отдаю Сантьяго – хозяину заведения. Получаю свой процент. Могу пить сколько влезет, набивать татуировки. Моя грудь и спина полностью забиты жёсткими рисунками. Но в приюте всё это приходится прятать под футболками и рубашками.

Гризельда не должна ничего знать. Проблемы мне не нужны.

Ко мне сразу липнут девчонки. Все думают, что мне лет двадцать. Приходится врать, иначе бы не пустили за стол. Чужие руки, запах духов, смех – всё это бесит. Я грубо убираю их ладони и прохожу к своему привычному столу.

Перед глазами стоит только она. Её лицо. Слезы, которые текли по щекам. Губы, которые я хочу целовать вечно, потому что на вкус они именно такие сладкие, как я всегда и представлял. Тело, которое я хочу трогать. Голос, который я готов слушать часами. Тот момент в саду, когда она вдруг выпалила всю свою детскую историю про шмеля... Её глаза были огромные, полные возбуждения и шока. Она тараторила так быстро, что я будто отключился. А потом схватила меня за руки и начала трясти.

*Я был в ауте. Удивлён и счастлив одновременно. Я хотел, чтобы это длилось вечно.
Чтобы она всегда так говорила только со мной.*

– Оооо, кто пришёл – сам Артур! – орёт толстый Райли из-за барной стойки.

Я сажусь на стул. Хантер обнимает меня за плечи сзади.

– Не подведи, – шепчет он мне на ухо.

Я киваю, но в голове всё ещё стоит кабинет математики. Я вспоминаю её слёзы, дрожащие губы, которые касаются моего пальца, и её взгляд.

Я беру карты и начинаю игру.

Но внутри уже всё решено.

КориВеллингтон будет моей. Даже если для этого мне придётся сокрушить её, и себя.

Глава 16. Кори

Там я впервые почувствовала себя почти живой. Но когда мир всё равно догнал – захотела спрятаться за широкой спиной того, кто пугает меня сильнее всех.

С самого раннего утра я убежала в лес – туда, где меня точно никто не найдёт.

Конечно, вчера Гризельда отчитывала меня за то, что я опять пропустила ужин и не отвечала на вопросы. Но в её глазах было такое непривычное, почти материнское беспокойство... Мне даже стало приятно. Может, она меня всё-таки полюбила? Или хотя бы привыкла? После шести лет в этом каменном склепе любая крошечная искра тепла кажется чудом.

Я брожу между деревьями, наклоняюсь к земле и внимательно рассматриваю грибы, один за другим. Маленькие, коричневые, с бархатистыми шляпками. Рядом суетятся букашки, деловито перетаскивают крошки. На мне джинсы, тяжёлые ботинки, тёплая куртка и шапка с большим помпоном – кто-то отдал, и, к удивлению, вещи оказались новыми. Впервые за долгие годы я чувствую себя почти хорошо.

Мама всегда говорила:

– Надо быть благодарной за всё в жизни, даже за плохое. Оно учит тебя становиться мудрее.

Стоит ли мне быть благодарной и за это? За приют, за Артура, за вчерашний палец у меня во рту и за слёзы, которые я не могла остановить? Нет. Не хочу думать об этом. Не сейчас. Я просто хочу дышать.

На обед я усаживаюсь прямо в поле среди высоких полевых цветов. Раскладываю бутерброды, открываю бутылку апельсинового сока. Солнце греет лицо. Я откусываю кусок и жую медленно, глядя в небо.

На ветке старого дерева сидит та самая туи. Чёрная, с переливающимся зелёным и синим оперением и ярким белым хохолком. Она поворачивает голову и смотрит на меня так любопытно, будто мы старые знакомые.

– Привет, – шепчу я и машу ей рукой.

Она наклоняет голову ещё сильнее.

Такая забавная.

Мое лицо озаряет широкая улыбка.

– Кори?

Я резко оборачиваюсь, не много испугавшись его.

Это Стэн.

Он опять преследует меня?

Он подходит и опускается на траву рядом со мной, словно это его законное место. Его взгляд, наполненный теплом и искренностью, устремлен прямо на меня. Внутри меня всё сжимается в напряжённый и болезненный узел.

– Чем ты занимаешься? – спрашивает он мягко.

– Обедаю, – тихо отвечаю я. – Хочешь? – протягиваю ему второй бутерброд.

Он берёт, откусывает и продолжает всматриваться в меня так внимательно, будто пытается прочитать каждую мою мысль. Я чувствую, как щёки начинают теплеть.

– Ты меня избегаешь?

– А ты меня преследуешь? – вырывается у меня чуть резче, чем я хотела.

– Можно и так сказать. – Он улыбаётся, но улыбка выходит грустной, даже виноватой. – Я просто хотел сказать, что я очень жалею о том, что ты видела. Это для меня ничего не значит. Просто так вышло. Я бы хотел найти этому объяснение, но не могу, сколько ни пытался. Я бы никогда не сделал этого, если бы всё было иначе.

– Я не понимаю тебя, – быстро говорю я и отворачиваюсь, потому что горло уже начинает сводить, а это значит, что скоро хлынут слёзы.

– Я бы не стал спать с женщиной, к которой у меня нет чувств, но... Что-то произошло. Что-то вызвало во мне дикое возбуждение...

Мои щёки мгновенно наливаются краской, что кажется, кожа сейчас загорится. Я отворачиваюсь ещё сильнее, прижимаю ладони к лицу.

Мне противно. Мерзко. Отвратительно. Артур хоть и пугает меня до ужаса, хоть и говорит всякий мрачный бред, но он хотя бы связан со мной. А этот с чужой женщиной, с нашей учительницей и теперь я не могу выкинуть это из головы.

– Куда ты? – спрашивает он растерянно, когда я резко вскакиваю.

Я закидываю рюкзак на плечо, хватаю корзинку с грибами. Руки дрожат так сильно, что корзинка чуть не падает.

– Стэн, ты извини, но... Я не хочу общаться, – говорю я прямо.

– Но дай мне шанс. Мы даже не были вместе, это же не измена.

Господи, что он несёт?!

Внутри у меня всё закипело стыдом, обидой и отвращением.

– Дело в другом. Разве ты не понимаешь? – Я уже почти кричу на него, хотя стараюсь держать себя в руках. – Ты подкинул мне записку, чтобы я пришла в класс, а в итоге я увидела там то, что очень хочу стереть из памяти навсегда! Я очень расстроилась. Я... Я плакала потом, понимаешь?!

– Стой, какая записка? – Его лицо резко меняется. Становится хмурым и настороженным.

– Не надо притворяться, пожалуйста, – шепчу я, и слеза всё-таки срывается по щеке.

Он мгновенно поднимается. Теперь мы стоим напротив друг друга.

– Какая записка, Кори?

Я отступила назад.

– Я не хочу больше говорить, оставь меня в покое. Я хочу побыть одна, понимаешь?

– Нет, не понимаю. Потому что ты мне нравишься. Я хочу поставить все точки и понять. Я вижу, что я тебе тоже симпатичен. Артур тебя настроил против меня, верно?

Я просто разворачиваюсь и иду вперед молча. Как всегда делала, когда люди начинали меня утомлять. Когда слова становились слишком тяжёлыми, а правда – слишком болезненной. За спиной слышу, как он зовёт меня ещё раз. Но я не оборачиваюсь. Только крепче сжимаю ручку корзинки и ускоряю шаг.

Он не отстаёт.

И из-за этого я приняла решение, возвращаюсь в приют.

Ноги сами понесли меня вперёд. Я бежала, не разбирая дороги, чтобы не видеть его лица. Он прилип ко мне, как клещ.

Нет... Как гранулёма на ухе, после прокола который никак не приживается. Такая же назойливая.

– Кори, да блять, послушай же! – заорал он мне в спину, как ненормальный.

Голос разнёсся по всей территории. Я резко оглянулась вбок.

На турниках застыли Артур, Хантер и Кен. Слово время остановилось. Артур висел на перекладине, руки напряжены, мышцы чётко проступали под тонкой тканью футболки. Он смотрел на нас прямо без единой эмоции, как всегда.

Я обернулась и увидела Стэна надвигающегося ко мне. Его кулаки были сжаты так сильно, что костяшки побелели. Брови нахмурены, а губы плотно сжаты в тонкую злую линию.

Почему он злится? Что такого в том, что я не хочу с ним разговаривать? Это же мой выбор. Я тоже живой человек. Не пешка и не игрушка, в которую можно тыкать пальцем, когда вздумается.

Он быстро сократил расстояние.

– Давай спокойно поговорим, – шёпотом сказал он, чтобы троица не услышала.

Но было уже поздно.

– Учитель, вы в двинутую влюбились?! – заорал Хантер, заливаясь мерзким ржанием. – Я такое только в порнхабе видел!

Я снова бросила взгляд в сторону Артура. Он всё так же висел неподвижно на турнике с каменным лицом. Но глаза следили за каждым моим движением. И вдруг внутри меня вспыхнуло странное, болезненное желание: спрятаться за него. Встать за его широкой спиной, чтобы весь этот цирк наконец-то отстал. Чтобы он защитил меня.

Чтобы все отстали. Я никогда раньше так не хотела.

Я снова перевела взгляд на Стэна.

– Если ты не отвяжешься, – произнесла я тихо, так, чтобы слышал только он, – я пожалуюсь руководству о домогательствах Стэн.

Его лицо мгновенно исказилось от шока, а глаза широко раскрылись, словно я ударила его по щеке. Я отступила, не дожидаясь ответа, и исчезла за массивной дубовой дверью приюта. Дверь плотно закрылась за мной, заглушив все звуки внешнего мира.

Глава 17. Кори

В вечности, где нет ни начала, ни конца, где даже время склоняется в благоговении – мы одно. Две половинки единого пламени, что никогда не погаснет.

Я не вышла на ужин. Анна тихо поставила поднос на тумбочку и ушла, не сказав ни слова. Я лежала на кровати, как мёртвая, и пялилась в стену. Настроение, которое утром едва-едва ожило, снова сдохло.

Всё! Хватит!

В три ночи, когда приют погрузился в мёртвую тишину, я собрала шампунь, мыло и полотенце и на цыпочках выскользнула из комнаты. Пол леденил босые ступни. В такое время здесь никого, я разделась и встала под тёплую воду. Мыло с апельсиновым запахом скользило по коже, оставляя сладкий, почти порочный аромат. На обёртке была выгравирована маленькая птица с раскинутыми крыльями. Я провела по ней пальцем и улыбнулась.

Намыливая волосы, я уставилась на огромную трещину в плитке.

Когда она тут появилась?..

Внезапный толчок, и меня прижало грудью к холодной стене. Чужая горячая рука мгновенно зажала мне рот.

– Не кричи, – выдохнул Артур мне прямо в ухо. Голос был пропитан алкоголем и нетерпением.

Я обомлела. Волосы на затылке встали дыбом, а сердце заколотилось неровно – страх и влечение к нему смешались внутри в одну непонятную кашу. Он здесь в женской душевой, прижал меня голую к плитке. Мне страшно стыдно, потому что я полностью обнажена, а он стоит за спиной в мокрой одежде.

Он резко разворачивает меня лицом к себе. От него пахнет сладковатым виски и мятной жвачкой, он явно пытался сбить запах. Чёрные глаза горят, как два уголька.

– Что у вас было со Стэном? – рыкнул он, продолжая жевать. – Отвечай, сейчас же.

Я испуганно замотала головой.

– Если врёшь закопаю. Поняла?

Я попыталась оттолкнуть его, но он только сильнее прижал меня к стене.

– Ты никуда не пойдёшь.

Он больно прикусил мочку моего уха, что я оторопела, выпучив глаза и открыв рот в беззвучном звуке. Тело пронзило током. Его ладонь сразу легла на мою грудь, жадно обхватила и сильно сжала, пальцы впились в кожу. Я выгнулась и тихонько застонала. По мне прокатилась такая горячая волна экстаза, что колени задрожали.

Он смотрел мне прямо в глаза, не отрываясь ни на секунду, пока его рука медленно, но уверенно спускалась ниже. По животу, по низу живота... Пальцы властно раздвинули мои бёдра и сразу нашли то самое место – уже мокрое и горячее. Он провёл по нему уверенно, наблюдая за моей реакцией.

Я глубоко вдохнула, когда он коснулся клитора. Мои ноги внезапно ослабели, как будто меня ударило током.

Мокрая белая футболка прилипла к его телу, и под тканью чётко проступили тёмные линии татуировок, покрывающие всю грудь и плечи.

У него тату?

– Нравится? – шепнул он мне в губы.

Я быстро кивнула, не моргая.

– Не молчи, Кори. Скажи словами.

– Нравится... – выдохнула я едва слышно.

– Хочешь, я сделаю тебе ещё приятнее?

Он щёлкнул жвачкой возле моего лица, затем хитро улыбнулся.

– Н-не знаю... – прошептала я, хотя тело уже кричало от желания, забыв о том какой грех я сейчас совершаю.

Артур медленно склоняется, его губы касаются моей шеи, сначала едва ощутимо, затем настойчивее. Я чувствую, как по коже бегут мурашки, дыхание становится сбивчивым. Его губы скользят ниже, вдоль ключицы, к груди, оставляя за собой след из жара и дрожи.

Когда его рот накрывает сосок, а зубы слегка сжимают его, я содрогаюсь всем телом, едва сдерживая вскрик. Смущение обжигает щёки, я инстинктивно закрываю лицо руками, пытаюсь спрятаться от собственных ощущений. Но он продолжает, то нежно посасывает, то проводит языком, то слегка прикусывает, и с каждым движением напряжение внутри растёт, пока не прорывается тихим стоном.

– Не прячься, птичка, – его хриплый голос звучит совсем близко. Он мягко убирает мои ладони от лица, заглядывает в мои глаза. – Всё хорошо, тебе нечего бояться пока я рядом.

Я замотала головой, но он уже развернул меня спиной к себе, прижал к стене и обхватил грудь обеими ладонями. Его руки сжимали и мяли, пальцы тербели соски, а губы в это время скользили по шее, осыпая её поцелуями. Он тесно прижался ко мне бёдрами, и даже через влажную ткань штанов я отчётливо ощущала его твёрдое возбуждение. Его движения становились ритмичнее: он слегка покачивался, будто уже был внутри меня.

– Я хочу тебя, Кори, бляяаять как я хочууу тебя, – прорычал он мне в ухо. – Скажи, что ты тоже хочешь меня.

– Я... Я...

– Давай.

– Я боюсь...

– Тебе очень понравится, птичка. Так понравится, что ты будешь просить ещё и ещё.

Он сильнее толкнулся бёдрами. Я уже не могла сдерживаться, громкий стон вырвался из горла.

– Вот так... Ты уже готова птичка, ты уже на пределе.

Он резко повернул меня к себе лицом и прижался неистово сильно к моим губам, словно хотел раствориться во мне. Я отчаянно ответила, неумело, но также жадно, отдаваясь моменту без остатка. Артур подхватил меня на руки, вынес из душевой в полутёмную раздевалку и рухнул на старую скамейку, будто неся не тело, а груз всех своих желаний. Вода струилась по нашим плечам, капала на пол, оставляя лужи. Я сидела у него на коленях, а его ладони лежали на моей талии, направляя и задавая ритм – вперёд, назад, снова и снова.

Он резко приподнялся, одной рукой расстегнул ремень и одним движением стянул с себя штаны. Я вдруг оказалась сидящей прямо на его голом, твёрдом члене.

Оторвавшись от поцелуя, я уставилась на него, не в силах поверить в происходящее. Мое лицо выражало полное изумление.

Если бы я могла использовать более сильные выражения, я бы сказала, что я в АХУЕ. Но, простите, такие слова здесь неуместны. Тем не менее, это слово действительно точно описывает мои чувства.

Под собой я впервые ощутила его близость, его внушительный, горячий и пульсирующий член.

Артур смотрел на меня абсолютно спокойно, хотя в глазах бушевала настоящая буря страсти и вожделения.

– Садись на меня, – приказал он низко.

– Я не могу... – Я замотала головой. – Я никогда не...

– Я знаю, птичка. Но когда-то должен быть первый раз.

Щёки горели огнём. Я даже вниз посмотреть не могла из-за стеснения.

– Не стесняйся меня.

Он наклонился ко мне и резко прикусил мою нижнюю губу.

– Артур, я не... Не могу... – выдохнула я, вцепившись пальцами ему в шею.

Меня охватывает стыд и сильное желание одновременно. Хочется окунуться в чан со святой водой, ведь сейчас сам Нахаш¹обвивает моё тело и разум, затуманивая всё вокруг.

Он сам приподнял меня за талию и медленно, но неумолимо начал опускаться на себя, не отрывая взгляда от моих глаз. Я почувствовала, как головка раздвигает меня, входит глубже... Глубже...

– Нет... Нет... Нет... – вырвалось у меня.

Я начала судорожно качать головой, задыхаясь.

– Ш-ш... – Он взял меня за лицо. – Уже всё. Чувствуешь?

Я опустила взгляд. Он был во мне полностью, проник до конца. Я ощущала его движение внутри, чувствовала, как он пульсирует. Чувствовала что пути назад нет.

Артур выдохнул сквозь зубы:

– Бляя... Теперь постарайся расслабиться птичка.

Он начал медленно двигать моими бёдрами, заставляя меня двигаться в ритме, заданном им. Сначала я почувствовала резкую и острую боль, почти невыносимую. Но с каждым новым движением она постепенно отступала, уступая место другому ощущению, оно заполняло сладко мое тело и будоражило, заставляя импульсивно содрогаться на нем. По коже побежали мурашки, внутри нарастала пульсация. Я прижалась к нему всем телом и обхватила его шею руками крепче, ища опоры и пытаясь удержать это новое, незнакомое чувство.

– Что это?... – простонала я ему в шею.

– Секс, Кори, – хрипло застонал он. – Твой первый раз.

Я начала стонать громче, прижимаясь к нему всё сильнее, пытаясь слиться с ним в одно целое.

– Ахуеть... Какая ты охуенная... – прорычал он, впиваясь пальцами мне в бёдра. – Ты очень влажная Кори...

Я замерла на мгновение, а затем начала двигаться сама, словно он одним касанием и словом стёр все границы моей стеснительности. Закрыв глаза, я полностью растворилась в ощущениях, позволяя себе чувствовать всё без остатка.

– Молодец, птичка... – прошептал он мне в губы стоня. – Вот так... Езжай на мне.

Я открыла глаза, посмотрев на него.

Боже мой... Какой он красивый. Ведь он демон... А они все такие.

Раньше я никогда себе в этом не признавалась, но сейчас, пьяный и возбуждённый до предела, он выглядел поистине великолепно. Его чёрные глаза горели, неудержимо скользили по моему телу, будто стараясь запечатлеть каждую дрожащую каплю воды на моей коже.

Он резко сорвал с себя мокрую футболку. Я тут же выдохнула: на груди и плечах открылась целая карта темных и агрессивных татуировок, с демоническими мотивами. Большую часть занимал огромный чёрный череп-демон с рогами и раскинутыми крыльями летучей мыши, окружённый шипами, Всё это выглядело опасно и в то же время необъяснимо притягательно. Артур прикрыл глаза, наблюдая, как я рассматриваю его тело, а потом указательным пальцем приподнял мой подбородок.

¹ Змей-искуситель, который в рассказе об Адаме и Еве, соблазнил Еву искутить запретный плод с древа познания добра и зла.

– Успеешь ещё разглядеть, – шепнул он мне в губы и начал двигаться сам.

Он крепко держал меня за бёдра и мощно входил в меня, глубоко и ритмично. Я извивалась на нём, царапая его плечи. Робко потянувшись к его губам, сама поцеловала. Он застонал мне в рот, и этот звук разжёл меня ещё сильнее.

– Ты такая тесная... – выдохнул он мне в губы между поцелуями, голос дрожал от напряжения. – Моя милая птичка...

Я перевела взгляд на дверь и обмерла, потому что дверном проёме стоял Хантер. Он смотрел на нас с открытым ртом, глаза огромные, зрачки расширены от шока. Вся его привычная наглость куда-то исчезла. Он просто стоял, не отводя взгляд. Я сама не поняла, что со мной произошло. Вместо того чтобы закрыться или закричать, я посмотрела ему прямо в глаза и медленно, вызывая поцеловала Артура в шею, затем вовсе укусила. Громко, протяжно застонала, прижимаясь к нему всем телом, изгибаясь у него на бёдрах.

Хантер дёрнулся, будто его ударили током. Лицо его исказилось ужасом и смесью зависти и возбуждения.

Артур мгновенно почувствовал, что что-то не так. Он резко схватил меня за волосы, запрокинул голову и властно впился мне в губы, полностью закрывая меня собой. Поцелуй был таким глубоким и страстным, что я почти задохнулась от него.

Когда я снова смогла посмотреть на дверь, там уже никого не было. Только пустой проём и тишина.

А́ртур сделал ещё несколько резких, глубоких толчков, он начал ускоряться, будто терял последний контроль. Я почувствовала, как внутри него всё напряглось до предела, как его член стал ещё твёрже, пульсируя во мне. Его пальцы сильнее впились мне в бёдра, что мне стало больно от этого.

– Сейчас...Ммм... – выдохнул он мне в рот хрипло.

И тогда это накрыло меня окончательно. Горячая волна в самом низу живота, будто внутри меня лопнула тугая пружина. Она ударила резко, почти болезненно сладко, и мгновенно разлетелась по всему телу огненными искрами. Мышцы внутри меня начали судорожно сжиматься вокруг него, ритмично, неконтролируемо. Ноги задрожали так, что я едва удерживалась на его бёдрах. По позвоночнику пробежал электрический разряд, поднялся к затылку и взорвался в голове ослепительной белой вспышкой. Я выгнулась дугой, впиваясь ногтями ему в плечи, и громко, протяжно застонала ему прямо в рот.

А́ртур резко вышел из меня в последний момент. Густые струи ударили мне на живот, на грудь, на ключицу – одна за другой, обжигающе горячие. Я почувствовала, как они стекают по мокрой коже, смешиваясь с водой и потом. В ту же секунду вторая, ещё более мощная волна накрыла меня. Тело содрогнулось так сильно, что я упала вперёд, уткнувшись лицом ему в шею. Внутри всё пульсировало, сжималось и отпускало – снова и снова, будто меня выворачивало наизнанку от удовольствия. Колени тряслись, дыхание превратилось в короткие, отрывистые всхлипы. В глазах потемнело, а в ушах стоял только гул собственного сердца и его тяжёлого, прерывистого дыхания.

Мы замерли, тяжело дыша, прижатые друг к другу мокрыми, горячими, дрожащими телами. Его сперма медленно стекала по моей груди, а я всё ещё мелко подрагивала в его руках, не в силах остановить эту сладкую, выматывающую дрожь.

Глава 18. Артур

Важно, что ты видишь. Я знаю, что если я преследую тебя, то и ты должно быть преследуешь меня.

Четыре года назад

Я сижу за столом и медленно жую котлету, будто она кусок чужого мяса. Кен что-то шепчет Мелани на ухо, она хихикает, как сучка в течке. А Хантер

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.